

**Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Алтайский филиал

Ю. М. Гончаров

**БРАЧНО-СЕМЕЙНОЕ ПРАВО
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
XIX – НАЧАЛА XX В.**

Барнаул 2019

ББК 67.404

УДК 347.6

Г 657

Научный редактор:

доктор юридических наук, профессор

В.В. Сорокин

Алтайский государственный университет

Рецензент:

доктор исторических наук, профессор

Е.В. Суверов

Барнаульский юридический институт МВД РФ

Гончаров Ю. М.,

Г 657 Брачно-семейное право Российской империи XIX – начала XX в. / Ю. М. Гончаров. – Барнаул: АЗБУКА, 2019. – 148 с.: ил.

ISBN 978-5-93957-934-6

Монография посвящена брачно-семейному праву Российской империи XIX – начала XX в. В книге рассматриваются: источники брачно-семейного права, законодательство о заключении и расторжении брака, регламентация внутрисемейных отношений, опека и попечительство, наследственное право.

Издание адресовано студентам, аспирантам, преподавателям и всем тем, кто интересуется историей отечественного права.

ISBN 978-5-93957-934-6

© Ю. М. Гончаров, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. Источники брачно-семейного права Российской империи XIX – начала XX в.	17
ГЛАВА 2. Брачное законодательство	
<i>2.1. Заключение брака</i>	28
<i>2.2. Расторжение брака</i>	51
ГЛАВА 3. Регламентация внутрисемейных отношений	
<i>3.1. Регламентация взаимоотношений супругов</i>	67
<i>3.2. Регламентация взаимоотношений родителей и детей</i>	85
ГЛАВА 4. Опекa и попечительство. Наследственное право	
<i>4.1. Опекa и попечительство</i>	103
<i>4.2. Наследственное право</i>	113
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	125
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	129
ПРИЛОЖЕНИЯ	143
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	146
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ	147

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к эволюции брачно-семейного права России не случайно. Оно позволяет проследить не только изменения системы отрасли законодательства, но и самой семьи, ее структуры, связей с другими социальными общностями, правового статуса членов семьи, ее места в обществе и значения для государства.

Трансформация института семьи в исторической динамике поднимает много вопросов исторического, теоретического и практического характера. Как справедливо отмечает Н.С. Нижник, – «Социально-правовая значимость проблемы регулирования брачно-семейных отношений обусловлена прежде всего ролью института семьи в жизни общества»¹.

Кроме того, сложные процессы развития института семьи в современной России, попытки переосмыслить духовно-нравственный опыт, накопленный русской цивилизацией делают актуальным обращение к историческому опыту, в том числе и опыту правового регулирования брачно-семейных отношений.

Необходимость изучения брачно-семейного законодательства продиктована также тем, что в советские годы данная отрасль права Российской империи оставалась са-

¹ Нижник Н.С. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в контексте эволюции государственно-правовой системы России, IX–XX вв.: Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 4.

мой неизученной отраслью дореволюционного права. Этому есть свое объяснение. В первые же послереволюционные годы исторически оправданная критика патриархальной семьи приобрела крайний характер и переросла в отрицание не только архаичных, отживших форм семьи и принципов семейных отношений, но и самого института семьи вообще¹. Советское семейное право полностью порвало с дореволюционной традицией, кроме одной, наверное, самой живучей – стремлением с помощью законодательства решать идеальные цели. Не случайно Л. Троцкий называл семейное право Октябрьской революции «предметом ее законной гордости»².

В силу этого, в отличие, например, от государственного права, брачно-семейное законодательство Российской империи не привлекало внимания отечественных исследователей, что ярко контрастировало с огромным количеством дореволюционных правоведческих работ, посвященных семье.

Несмотря на активизацию исследователей в последние годы, в целом в историко-правовой науке проблемам семьи и брака уделяется недостаточно внимания.

Проблемы развития института семьи в современной России актуализируют обращение к историческому опыту. Историко-правовая наука, обобщая опыт прошлого, помогает исследовать и использовать закономерности общественного развития в построении гражданского общества, основанного на принципах законности и правопорядка.

¹ Вишнеvский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. – М., 1998. – С. 134–137.

² Троцкий Л. Преданная революция. – М., 1991. – С. 127.

Степень разработанности темы. Проблемы правового регулирования брачно-семейных отношений в российской истории, накопление фактического материала о семье, личных и имущественных правах мужа и жены, семейном статусе мужчины и женщины, роли семьи в культурной и общественно-политической жизни России в российской историографии начинают рассматриваться еще на рубеже XVIII–XIX вв. В течении трех столетий отдельные стороны семейно-брачных отношений и их правового регулирования неоднократно становились предметом специального рассмотрения историков, правоведов, этнографов, социологов, культурологов.

Круг научной литературы XIX – начала XX в., рассматривающей только правовые аспекты такого важнейшего социального института, как семья, огромен. Даже русские философы пытались осмыслить эту проблематику. Например, В.В. Розанов образно назвал семейное право «юридической тканью около физиологического и вместе религиозного факта семьи»¹. Семейству посвящена отдельная глава в работе Б.Н. Чичерина «Философия права»². Этот список можно долго продолжать.

Исследованием правовых норм, регулирующих брачно-семейные отношения, занимался широкий круг дореволюционных отечественных исследователей: М.Ф. Владимирский-Буданов, К.А. Неволин, С.В. Пахман, К.П. Победоносцев, В.В. Розанов, Д.Я. Самоквасов, А. Смирнов, И. Харламов, Г.Ф. Шершеневич и др. Каноническое се-

¹ Розанов В.В. Семейный вопрос в России. Т. 1. – СПб., 1903. – С. 1.

² Чичерин Б.Н. Философия права. – СПб., 1998. – С. 187–201.

мейное право явилось предметом исследований И.С. Бердникова, А.С. Павлова, Д. Дубакина, М.И. Горчакова, Н.К. Суворова, В.И. Сергеевича,

Как определяли праведы позднеимперского периода, – «семейное право есть совокупность юридических норм, регулирующих отношения членов семьи»¹. При этом давались различные определения семьи. Так, известный историк русского права М.Ф. Владимирский-Буданов писал: «Семьей называется сложный союз супругов между собой и родителей с детьми. Для бытия семьи (в теоретическом и законодательном смысле) достаточен один из этих двух союзов: семьей признается муж и жена, не имеющие детей; семью также может составлять один из родителей вместе с детьми»². Более лаконичным было определение А.И. Загоровского: «Семья есть группа лиц, связанных браком или родством, живущих совместно друг с другом»³. При этом в определении было два главных момента: во-первых, характер отношений, связывающих группу лиц (брак или родство), во-вторых, – совместное проживание. Именно второй момент вызывал наибольшие претензии критиков семейного права России во второй половине XIX – начале XX в.

По духу законодательства семейные отношения порождают семейные права, ставящие в определенную *личную зависимость* одного члена семейного союза от другого. При этом подразумевалось, что семейные отношения

¹ Загоровский А.И. Курс семейного права. – Одесса, 1902. – С. 1.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону, 1995. – С. 402.

³ Загоровский А.И. Указ. соч. – С. 1

имеют особые свойства по сравнению с другими отношениями гражданского права – имущественными, так как они более моральные, чем юридические. В силу этого правове- ды считали, что регулирование правом семейных отноше- ний труднее, чем отношений имущественных: «Содержа- ние отношений семейных в большинстве случаев дано са- мой природою, веления которой право только освещает и приноравливает к потребностям общества... в виду особой важности отношений семейных для общежития, предписа- ния права, касающиеся их, имеют характер абсолютных, неизменных по частному произволу, норм, в противопо- ложность отношениям имущественным, где частная авто- номия имеет полный простор. Поэтому нормы семейного права заключают в себе в значительной степени элемент публичный, тогда как нормы права имущественного запечатлены характером приватным»¹.

В дореволюционной литературе сложилось мнение, что главной особенностью российского семейного права являлась значительная роль церкви в регулировании брачн-семейных норм. Церковь, в частности, регулировала заключение, расторжение брака и внутрисемейные отно- шения². Как писал специалист по семейному праву А.И. Загоровский, – «на теперешнее состояние семейного права у народов христианских возымела весьма сильное влияние христианская религия, для которой семья всегда была предметом особых забот и попечения. Это влияние сказалось как на определении условий заключения и рас-

¹ Загоровский А.И. Указ. соч. – С. 3.

² См. Лещенко В.Ю. Семья и русское православие (XI–XIX вв.). – СПб., 1999.

торжения брака, так и на форме его. В известной мере оно отразилось и на определении взаимных личных отношений между членами семьи»¹. Современный российский историк Б.Н. Миронов отмечает по этому поводу: «Как это ни парадоксально, в пореформенное время церковь усилила контроль за семейно-брачными отношениями. В силу этого изменения в семейно-брачных отношениях происходили в большей степени де-факто, чем де-юре»².

В то же время значительная роль церкви не означала устранения государства от регламентирования брачно-семейных отношений. Как отмечалось в то время, «современное семейное право развивается при весьма деятельном участии государства, которое, изъявши из рук церкви брачное право, строит его на началах общекультурных, не связанных с вероисповедными различиями, а в других отделах семейного права стремится провести принципы равноправия и покровительства и защиты слабейших членов семейного союза»³.

В целом, русская дореволюционная историография выявила и накопила значительный конкретно-исторический материал, позволяющий с разных сторон осветить историю семьи, социальное положение и роль женщины в российском обществе, статус мужа и жены во внутрисемейных отношениях. Однако, как отмечает Н.С. Нижник, – «исследователи концентрировали свое внимание на описательной стороне бытия семьи, из правовых аспектов

¹ Загоровский А.И. Указ. соч. – С. 2.

² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Т. II. – СПб., 1999. – С. 46.

³ Загоровский А.И. Указ. соч. – С. 2.

наибольшую разработку получили вопросы внутрисемейных отношений, главным образом законодательное закрепление имущественных прав супругов в семье. Исследований юристов собственно по семейному праву, в итоге, немного (М.Ф. Владимирский-Буданов, А.И. Загоровский, К.А. Неволин, А.Д. Способин), и принципиальные вопросы правового регулирования брачно-семейных отношений в IX – начале XX в. оказались изученными не в полной мере»¹.

В советский период к проблеме истории семьи обращались историки, этнографы, археологи, социологи. Круг проблем, затрагивавшихся исследователями, достаточно широк. В то же время, историко-правовых исследований семьи в это время было ничтожно мало. Даже учебники для высших учебных заведений по истории государства и права и семейному праву либо не содержали материалов по истории брачно-семейных отношений дореволюционной России, либо содержали поверхностный обзор основных этапов развития русской семьи без акцентирования внимания на правовой стороне института брака и его основных элементах. Круг советских ученых, обративших свое внимание на различные аспекты правового регулирования брачно-семейных отношений в российской семье дореволюционной России, крайне узок.

В постсоветские десятилетия исследователи все более активно обращаются к проблематике правового регулирования брачно-семейных отношений в Российской империи. Исследуются различные аспекты темы. Можно от-

¹ Нижник Н.С. Указ. соч. – С. 9.

метить работы правоведов и историков Ю.М. Гончарова, Д.А. Ефименковой, Э.М. Левшина, Б.Н. Миронова, Т.А. Моховой, Н.С. Нижник, Л.А. Тищенко, Л.А. Тумановой, М.К. Цатуровой и др.

В зарубежной историографии, при наличии работ по политической, идеологической, бытовой истории России и трудов, на страницах которых нашли отражение культурно-религиоведческие аспекты бытия российской семьи, исследований, посвященных ретроспективному анализу правового регулирования брачно-семейных отношений в России, практически нет.

Среди зарубежной литературы можно выделить только монографию Вильяма Вагнера «Брак, собственность и право в поздней Российской империи» (Оксфорд, 1994)¹. Фактически это первое в англоязычной литературе систематическое исследование важной отрасли гражданского права позднеимперской России. Автор показывает, что попытки приведения семейного, имущественного и наследственного права в соответствие с меняющимися социально-экономическими условиями были тесно связаны с попытками реформировать общество в соответствии с конкурирующими идеологическими установками. По мысли автора, путем перестройки семейного права, представители растущей образованной и социально активной части российского общества, стремились продвигать в назревшей реформе законодательства противоречивые концепции патриархальности, индивидуальности, пола и права.

¹ Wagner W.G. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. – Oxford, 1994.

Автор замечает, что правовая реформа также служила для представителей формирующихся юридических и медицинских профессий способом увеличения их авторитета, часто за счет государственной администрации и православной церкви. Главный вывод Вагнера состоит в том, что гражданское право в позднеимперский период являлось как важным средством идеологического переосмысления, так и полем битвы для тех, кто стремится к реформированию, свержению или защите старого режима. Поскольку эта борьба распространялась на государственную бюрократию, законодательные изменения оказались чрезвычайно сложными. Судебная система, сформировавшаяся в итоге реформ отреагировала на бездействие законодательства не только адаптацией закона, но и продвижением идеала семьи, чьи ценности и принципы, по мысли Вагнера, бросали вызов основам самодержавия. Подробный научный анализ этих вопросов, проведенный профессором Вагнером, дает много сведений о культурных установках, политических структурах и роли права в России второй половины XIX – начала XX в., хотя его выводы, конечно же, дискуссионны.

Таким образом, несмотря на устойчивый интерес к истории семьи, правовое регулирование брачно-семейных отношений в контексте эволюции государственно-правовой системы России остается слабо изученным.

Объект исследования – брачно-семейное законодательство Российской империи XIX – начала XX в.

Предмет исследования – правовая регламентация брачно-семейных отношений в Российской империи.

Необходимо уточнить, что в России, вплоть до Семейного кодекса 1918 г., не существовало единого для всех подданных законодательства о браке и семье. В писанном праве, предназначенном для городского населения, дворянства и интеллигенции, действовали одни нормы и установления, в крестьянской реальной жизни – другие (во многом определявшиеся обычным семейным правом), в национальных окраинах – третьи.

Цель работы – реконструкция правовой регламентации брачно-семейных отношений в Российской империи XIX – начала XX в., выявление ее изменений в связи с развитием общества.

Задачи работы:

- выявить источники брачно-семейного права Российской империи XIX – начала XX в.;
- рассмотреть брачное законодательство, в частности, вопросы заключения и расторжения брака;
- произвести анализ правовой регламентации внутрисемейных отношений, а именно: взаимоотношений между супругами и между родителями и детьми.
- реконструировать регламентацию опеки и попечительства как составляющей части регулирования брачно-семейных отношений;
- дать характеристику наследственного права Российской империи.

Хронологические рамки исследования – вторая треть XIX – начало XX в.

Географические рамки исследования – административные границы Российской империи в соответствующий период.

Методологические основы исследования – синтетическая теория права на основе духовно-культурологического подхода, разрабатывавшаяся как дореволюционными (В.С. Соловьев, А.С. Яценко и др.), так и современными теоретиками права (В.В. Сорокин)¹.

В процессе исследования применялись методы сравнительно-правового и формально-юридического анализа, а также общенаучные методы и методы познания отдельных наук.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в нем освещаются вопросы, имеющие существенную значимость для общетеоретического и историко-теоретического цикла юридических наук, конкретизирующие и дополняющие ряд тем по теории права и государства, истории права и государства.

Источниковая база исследования – нормативно-правовые акты Российской империи, в частности, вошедшие в «Полное собрание законов Российской империи» (первое, второе и третье) и «Свод законов Российской империи».

Так, в частности, законы, регламентирующие брачно-семейные отношения, содержались в томе X Свода законов Российской империи – «Своде законов гражданских», а точнее, в первой книге Свода, озаглавленной «О правах и обязанностях семейственных».² Книга первая содержала следующие разделы: «О союзе брачном», «О союзе роди-

¹ Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. – М.: Проспект, 2007. – 480 с.

² См.: Свод законов Российской империи. – СПб., 1899 (далее – СЗРИ); Т. X. Свод законов гражданских.

телей и детей и союзе родственном», «О опеке и попечительстве в порядке семейственном». Часть законов, регулировавших имущественные отношения в семье, содержалась также в третьей книге «Свода законов гражданских» – «О порядке приобретения и укрепления прав на имущество в особенности».

Процессы законодательного закрепления и применения правовых норм, регулирующих брачно-семейные отношения, нашли свое отражение практически во всех типах и видах правовых и исторических памятников соответствующего периода.

В работе был использован широкий круг нормативно-правовых актов, касающихся семейно-брачных отношений, опубликованных в различных кодексах, изданиях и сборниках.

Подробная характеристика источников брачно-семейного законодательства Российской империи изложена в первой главе работы.

Структура работы. В соответствии с законодательством Российской империи, семейный союз мог подразумевать три рода отношений: отношения между супругами, отношения между родителями и детьми и между опекунами и подопечными. Соответственно при правовом регулировании эти виды отношений создавали три института семейного права: брак, союз родителей и детей, опеку. Наследственное право, с точки зрения законодателя, считалось частью семейного. Соответствующей была и структура законодательства.

В связи с этим в монографии рассмотрены следующие аспекты: 1) источники брачно-семейного права Рос-

сийской империи XIX – начала XX в.; 2) брачное законодательство (заключение брака, расторжение брака), 3) регламентация внутрисемейных отношений (регламентация взаимоотношений супругов, регламентация взаимоотношений родителей и детей), 4) опека и попечительство, наследственное право.

Краткий очерк истории брачно-семейного права России периода поздней империи будет полезен для студентов юридических и исторических факультетов, а также для специалистов, изучающих историю семьи и историю права России.

Автор благодарит за помощь в подготовке и издании книги доктора юридических наук, профессора Алтайского государственного университета Сорокина Виталия Викторовича, доктора исторических наук, профессора Барнаульского юридического института МВД РФ Суверова Евгения Васильевича, а также руководство Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России.

ГЛАВА 1. Источники брачно-семейного права Российской империи

Семейное право дореволюционной России прошло долгий путь развития, представляя результат действия - русского обычного права, византийских светских законов, церковного права и европейского законодательства.

В древности и Средневековье источниками брачно-семейного права Руси являлись Уставы князей Владимира и Ярослава, Новгородская и Псковская судные грамоты, Судебники 1497 и 1550 гг., положения Стоглавого собора 1551 г.

В частности, во время правления Ярослава Мудрого был принят «Устав о церковных судах», который впоследствии, на протяжении XI–XVII вв. неоднократно редактировался¹. Например, на протяжении XI–XII вв. в Уставе не содержалось запретов на браки православных христиан с лицами других исповеданий. Позднее, после усиливавшихся контактов с Западной Европой, в Устав были внесены запреты на общение с «латинянами»².

Основным документом в области регулирования брачно-семейных отношений в это время становится Кормчая книга, представляющая собой собраниеложе-

¹ Моховая Т.А. К вопросу об источниках брачно-семейного права Российской империи XIX – начала XX в. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 4. – С. 250.

² Семидеркин Н.А. Семейное законодательство // Законодательство Петра I. – М., 1997. – С. 713.

ний византийского семейного права, дополненное постановлениями русских князей. Как писал правовед XIX в. М.И. Горчаков, – «положения Кормчей книги со времени появления в печати на славянском языке получили громадное значение в истории развития нашего брачного права, имели исключительное влияние на практику церковных судов по делам брачным в течение XVII–XVIII столетий и сохранили за собой значение канонического закона в брачном праве и по настоящее время»¹.

Специально брачно-семейному праву посвящена 50 глава Кормчей книги, озаглавленная «О тайне супружества». В первой ее части дается общее понятие брака, а также излагаются порядок, условия, место и время совершения брака. Вторая часть содержит таблицы степеней кровного родства и свойства, наличие которых запрещает или дозволяет вступление в брак, а также собранные из разных источников учения, правила и законы о духовном родстве при крещении, усыновлении, восприемстве. Третья часть главы содержит общие указания о круге родства, при котором запрещено заключение брака. Кроме того, в каждом разделе приводятся случаи, при которых может возникнуть вопрос о законности заключения брака или возможности вступления в брак лицам, состоящим в близких родственных отношениях².

¹ Горчаков М.И. О тайне супружества. Происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й (по спискам патриархов Иосифа Никона 51-й) главы печатной Кормчей книги. – СПб., 1880.

² Добровольский В.И. Брак и развод. Очерк по русскому брачному праву. – СПб., 1903. – С. 11.

В Кормчей книге содержались два понятия брака, которые взаимодополняли друг друга: «Брак есть мужье и жене сочетание, и событие во всей жизни божественная и человеческая правды общения» и «Супружество или законный брак тайна от Христа Бога установлена есть, во умножение рода человеческого и воспитания чад к славе Божьей в нерушимый союз любви и дружества и во взаимную помощь»¹. В силу этого, смысл брака состоял в образовании союза мужчины и женщины с целью рождения детей и избегания греховной жизни.

Среди источников российского имперского брачно-семейного законодательства нельзя не отметить Соборное Уложение 1649 г. – один из первых отечественных законодательных памятников, где стали прописываться нормы брачного права. Например, согласно Уложению, юридические последствия имел только брак, заключенный в церкви.

Важные изменения в сфере семейного права произошли в XVIII в., когда на развитие русского законодательства большое влияние оказало европейское право. Именно с этого времени «стало чувствоваться сильное влияние государства в семейной жизни»². Подобное мнение было широко распространено: «С первых годов XVIII

¹ Цит. по: Павлов А.С. 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. – М., 1887. – С. 42.

² Elnett E.P. Historic Origin and Social Development of Family Life in Russia. – New York, 1926. – P. 46.

столетия начинается сильное государственное влияние на русскую семью»¹.

Действительно, окончательное становление семейного законодательства приходится на имперский период, во время которого издаются многочисленные указы Святейшего Синода, Правительствующего Сената, принимается Духовный Регламент, Устав Духовных консисторий, принятый в правление императора Николая I².

Указы и другие нормативно-правовые акты Российской империи являлись важным источником брачно-семейного права. Широко известен, в частности, указ Петра I от 6 апреля 1722 г. «О свидетельствовании дураков в Сенате», согласно которому «которые ни в науку, ни в службу не годились, и впредь не годятся, отнюдь жениться и замуж идти не допускается»³.

Во время Петра III указ был дополнен положением о содержании лиц, страдающих психическими отклонениями, в особых домах (долгаузах) и о назначении над ними и их имуществом опеки наследников⁴.

Данный запрет или препятствие к заключению брака регламентировался и в других нормативно-правовых актах. В частности, ст. 1551 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. определяла уголовную ответственность за склонение к браку лиц, страдающих психическими заболеваниями. Преследование виновных осу-

¹ Стоюнин В.Я. Наша семья и ее исторические судьбы // Вестник Европы. 1884. № 1. – С. 30.

² ПСЗРИ-2. Т. XVI. № 14409.

³ ПСЗРИ-1. Т. VI. № 3949.

⁴ ПСЗРИ-1. Т. XV. № 11509.

шествовалось на основании ст. 1012 «Устава уголовного судопроизводства», а если виновник находился на военной службе, – ст. 1164 «Военно-судебного устава». Приговор уголовного суда сообщался духовному суду как для решения о действительности брака, так и определения ответственности лиц, совершивших бракосочетание (ст. 208 Устава Духовных консисторий). При этом ответственность священнослужителей, зарегистрировавших такой брак, носила, помимо духовного, и светский характер по ст. ст. 1552 и 1577 Уложения о наказаниях¹.

В структуру брачно-семейного права Российской империи входили и наследственные правоотношения, в чем проявлялось тесное переплетение источников брачно-семейного права Российской империи.

Свод законов гражданских является еще одним источником брачно-семейного законодательства. При этом, в отличие от западноевропейских кодексов, он не являлся гражданским уложением, то есть не был кодифицированным актом². По сути, первое издание Свода 1832 г. только внесло некоторые изменения в предшествующее законодательство, а его систематизации в этом акте не было проведено³.

В силу этого материалы по семейному праву носят в Своде достаточно пестрый характер. В основном Свод ре-

¹ Моховая Т.А. Указ. соч. – С. 35.

² Омарова Х.М., Исмаилова К.А. К вопросу об источниках брачно-семейного права Российской империи XIX – начала XX в. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 4. – С. 157.

³ Кассо Л.А. К истории Свода Законов Гражданских // Журнал Министерства юстиции. 1904. № 3. – С. 13.

гламентировал вопросы вещных прав и наследования. В силу того, что в данный период брачно-семейное право находилось почти под исключительным влиянием канонического права, то и в Свод законов оно вошло в достаточно урезанном виде. Последующие издания (1842, 1857, 1887 и 1900 гг.) мало что изменили.

В силу того, что последующие после 1832 года издания носили в большей степени неофициальный характер, можно все-таки говорить о том, что как источник права может рассматриваться только первое издание Свода законов, как отмечает Т.А. Моховая¹.

Для темы исследования представляет интерес том X, в котором содержались некоторые нормы семейно-брачного права Российской империи. Например, в статьях 1–60 излагаются законы о браке между лицами православного исповедания, но при этом определение брачного союза, понятие брака в данном нормативно-правовом акте не были даны. Закон отсылает к официальному для Русской православной церкви источнику церковного права – Кормчей книге. В самом же Своде законов внимание законодателя прежде всего было направлено на установление юридического значения брака и его правовых последствий. В то же время правовые последствия заключения брака рассматриваются на основании гражданских законов. Тесное переплетение норм семейно-брачного и гражданского права можно признать спецификой законодательства России периода империи. Характерными были также тесная связь

¹ Моховая Т.А. Указ. соч. – С. 36.

и переплетение норм брачно-семейного права с нормами канонического права.

Можно сделать вывод, что, несмотря на то, что, кодифицированное в Своде законов брачно-семейное законодательство имело своим источником в основном церковные постановления, оно, однако, не ограничивалось формулированием норм канонического права, но также вырабатывало новые правила об условиях для вступления в брак и о брачных отношениях в целом.

В частности, несмотря на провозглашение примата канонического права в сфере регламентации заключения и прекращения брака, без соблюдения условий, предписанных рядом светских законодательных актов, таких, например, как Устав духовных консисторий 1841 г. и Указ от 6 февраля 1850 г. «О пояснениях и исправлениях узаконений о действительности и законности браков и о детях, от сих браков рожденных», брак не мог ни возникнуть, ни прекратиться.

Не вызывает сомнения, что источниками действующего на то время брачно-семейного права служили не только постановления Свода законов гражданских и Устава духовных консисторий. Существовавшие лакуны в законодательстве восполнялись на основании ряда источников канонического права: Кормчей книги, синодальной «Книги правил», книги «О должностях пресвитеров приходских», «Инструкции благочинному приходских церквей» и др.¹

¹ Моховая Т.А. Указ. соч. – С. 37.

Церковным правом брак рассматривался как «установление Божественное, как таинство, от Самого Бога установленное, и разбирает все дела, до брака относящиеся, по правилам Св. Апостолов, Св. Отец, семи вселенских соборов, и девяти поместных соборов»¹. Один из учебников церковного права, изданный в 1913 г. приводил следующее понятие брака: «Брак, как образ таинственного союза Христа с Его церковью, есть таинство, соединяющее мужа и жену для полного неделимого общения жизни и низводящее на них дары Божией благодати»². Важным моментом было то, что из этого определения следовала обязательная регистрация брака православным священником. Регламентировались церковным правом такие моменты как: условия действительности брака, «доказательство его существования», порядок заключения брака, расторжение брака (статьи 230–236 «Устава Духовных консисторий») и др.

В то же время церковный брак являлся институтом юридическим, так как не могло быть законного брака без соблюдения требований церковного права. Еще в первой половине XIX в. эти требования были установлены светской властью в соответствующих правовых актах³.

Можно сделать вывод, что в течение изучаемого периода тенденцией развития законодательства было то, что нормы светского права постепенно вытесняли нормы церковного права, которое выступало уже в большей степени

¹ Гусаков А.Г. Курс семейного и наследственного права. – М., 1911. – С. 3.

² Суворов Н.С. Учебник церковного права. – М., 1913. – С. 351.

³ ПСЗРИ-1. Т. XXVI. № 23906.

в качестве дополнительного источника, восполняющего лакуны светского законодательства.

Если говорить о семейном праве как части гражданского права, то законоведы начала XX в. дали следующее его определение: «Семейное право в объективном смысле есть совокупность юридических норм, регулирующих взаимоотношения супругов (брачное право), родителей и детей (родительское право и родственников), опекунов и подопечных (малолетних и душевнобольных – опекуновское право в семейном порядке)¹. Данное определение позволяет выделить три основных института семейного права: брачное право, родительское право и опекуновское. В то же время понятие брака как института права на тот момент сделано не было. Это объяснялось, прежде всего, отсутствием точного разграничения церковного (конфессионального) брака, регулируемого каноническими нормами, и брака, заключаемого светскими властями.

В силу этого во второй половине XIX в. достаточно остро встал вопрос о том, каким образом должны заключаться браки между лицами, не принадлежавшими к православию, что, по мнению исследователей, могло бы помочь устранить ряд препятствий к вступлению в брак².

Законоведы того времени, обращаясь к правовому опыту Западной Европы пришли к мысли о том, что для ряда лиц необходимо установление так называемого гражд-

¹ Синайский В.И. Русское гражданское право. – Киев, 1912. – С. 174.

² Свечникова Л.Г., Микаелян О.С. Заключение брака. Сравнительный анализ законодательства России и зарубежных стран с древнейших времен до конца XX века. – Ставрополь, 2003. – С. 34.

данского брака, сущность которого заключается не только в заключении брака перед светскими чиновниками гражданского состояния, но и тем, что этот брак должен регулироваться нормами, устанавливаемыми государством, а не каноническим правом¹. С резкой критикой этой идеи выступил К.П. Победоносцев, считавший, что гражданский брак может обставляться не менее сложными формальностями, как и церковный брак².

Наиболее актуальной для России того времени была проблема браков раскольников (старообрядцев), правовая политика в отношении браков которых была заложена еще законодательством Петра I. В частности, в соответствии с Указом Синода от 15 мая 1722 г., старообрядцы лишались права вступать в брак между собой, в противном случае они могли быть подвергнуты уголовному преследованию³. Только в 1870-е гг. законодательно была регламентирована гражданская процедура регистрации раскольников. Законом от 19 апреля 1874 г. были утверждены Правила о метрической записи браков, рождения и смерти раскольников⁴.

В начале XX в. светская власть во все большей степени брала под свой контроль вопросы заключения брака и иные, связанные с брачно-семейным правом.

¹ Бердников И.С. Форма заключения брака у европейских народов в ее историческом развитии // Ученые записки императорского Казанского университета. 1887. Т. 54 по юридическому факультету. – Казань, 1887. – С. 1–56.

² Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Т. 2. – СПб., 1871. – С. 57–64.

³ ПСЗРИ-1. Т. VI. № 4009.

⁴ ПСЗРИ-2. Т. XLIX. № 53391.

Отдельным, специфическим источником брачно-семейного права Российской империи нужно признать военное законодательство. Так, к примеру, Устав о воинской повинности запрещал состоящему на действительной военной службе офицеру вступать в брак, если он достиг возраста 23 лет (п. 2 ст. 27). Оговаривался целый ряд дополнительных условий для вступления в брак военнослужащего. Военнослужащие, вступившие в брак, заключение которого было невозможно в связи с установленными в законе препятствиями к заключению брака, подвергались наказанию в соответствии со ст. 1164 Военно-судебного устава 1867 г.

Таким образом, можно сделать вывод, что брачно-семейное законодательство дореволюционной России прошло долгий путь развития, представляя результат действия русского обычного права, византийских светских законов, церковного канонического права и европейского законодательства. Даже в начале XX в. семейное право Российской империи не приобрело стройной системы, чему способствовала в том числе, разрозненность источников семейного права, которое регулировалось нормами канонического права, гражданским законодательством России, нормативно-правовыми актами верховной власти.

ГЛАВА 2. Брачное законодательство Российской империи

2.1. Заключение брака

Семейный союз по законодательству Российской империи мог подразумевать три рода отношений: отношения между супругами, отношения между родителями и детьми и между опекунами и подопечными. Соответственно при правовом регулировании эти виды отношений создавали три института семейного права: брак, союз родителей и детей, опеку. Соответствующей была и структура законодательства. В данной главе мы рассмотрим два первых института.

Законы, регламентирующие брачно-семейные отношения, содержались в томе X Свода законов Российской империи – «Своде законов гражданских», а точнее, в первой книге Свода, озаглавленной «О правах и обязанностях семейственных».¹ Книга первая содержала следующие разделы: «О союзе брачном», «О союзе родителей и детей и союзе родственном», «О опеке и попечительстве в порядке семейственном». Часть законов, регулировавших имущественные отношения в семье, содержалась также в третьей

¹ См.: Свод законов Российской империи. – СПб., 1899 (далее – СЗРИ); Т. X. Свод законов гражданских.

книге «Свода законов гражданских» – «О порядке приобретения и укрепления прав на имущество в особенности».

«Началом и основанием» семьи являлся брак. Владимирский-Буданов писал: «Супружеский союз возникает из брака и предполагает затем определенные юридические – личные и имущественные – отношения между мужем и женой»¹. Социолог Питирим Сорокин утверждал: «Основанием союза супругов является брак, признанный государством, заключенный в определенной юридической форме и влекущий за собой определенные юридические последствия – личные и имущественные»².

С юридической точки зрения правоведа XIX в. определяли брак как нормированный правом пожизненный половой союз мужчины и женщины. При этом фактическую основу брака составляло сожителство мужчины и женщины. Именно факт сожителства при наличии предписанных законом формальных и материальных условий являлся браком. Подобное понимание не исключало из понятия «брак» необходимости этического элемента. Этот элемент вводился путем законодательного требования соблюдения тех условий, без выполнения которых брак немислим. Но и эти условия опять-таки предписывались правом и, в конечном счете исполнялись как правовые нормы.

Русское законодательство в отличие от западноевропейского, причисляющего брак к институтам гражданского права, смотрело на брак как на акт религиозный по преимуществу, в силу чего и нормирование его в важней-

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. – С. 404.

² Сорокин П. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал. 1916. № 2. – Стб. 173.

ших вопросах (в вопросах заключения и прекращения) отдавало в руки того вероисповедания, к которому принадлежали супруги. Подобная ситуация, облегчая задачу законодателя при регулировании столь важного института, как брак, в то же время создавала немало трудностей, внося разнородность по самым основным вопросам брачного права, стесняя свободу совести супругов при смешанных браках. В силу большого значения религиозных норм при регулировании брачно-семейных отношений реформирование этой отрасли права было затруднено в силу совершенно понятной консервативности религиозных норм и церковных организаций¹.

В нормах, регулировавших установление брака, главными были два вопроса: во-первых, условия совершения брака и, во-вторых, о совершении брака (форме брака).

Условия для вступления в брак, определяемые законодательством Российской империи, проистекали из разных причин – юридических, физиологических, этических и религиозных. Отсутствие условий являлось препятствием для вступления в брак.

Одним из главных условий совершения брака было достижение определенного возраста. Регламентация брачного возраста в законе была необходима не только в виду физических целей брака (рождение детей), но и моральных, т.е. для того, чтобы можно было предположить в вступающих ясное сознание и свободную волю при решении вопроса о браке².

¹ См. Загоровский А.И. Указ. соч. – С. 6.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. – С. 409.

Рис. 1. Жених и невеста. Конец XIX в.

В допетровскую эпоху минимальный брачный возраст определялся церковным каноническим правом, но нормы эти постоянно колебались. С XVIII в. в регулирование этого вопроса уже вмешивается государство. Однако установленный законом брачный возраст в XVIII и даже начале XIX в. колебался. Так, по указу Петра I о единомословию, брачный возраст определен для мужчин в 20 лет, а для женщин – в 17. С отменой указа эта норма утратила силу. В 1774 г. Синод предписывал духовенству разведывать, «чтобы они возраст имели, юноши не менее 15 лет, а девицы в 13 лет»¹. Возраст, назначенный этим указом, в XIX в. был признан чрезмерно низким, и в 1830 г.

¹ ПСЗРИ-2. № 14229.

уже не церковным, а государственным законом были установлены новые сроки: «Запрещается вступать в брак лицам мужского пола ранее восемнадцати, а женского шестнадцати лет от рождения». Но в необходимых случаях епархиальный архиерей, согласно указу 1857 г., мог по своему личному усмотрению разрешить брак, если жениху и невесте «недостает не более полугода до законного на сей случай совершеннолетия»¹. Общий срок брачного совершеннолетия был снижен для «природных» жителей Закавказья, которым дозволялось вступать в брак по достижении женихом 15, а невестой 13 лет.

Позднее особый возраст брачного совершеннолетия был установлен для офицеров. Офицерам, состоящим на действительной военной службе, во всех без исключения войсках, военных управлениях, учреждениях и заведениях, не дозволялось вступать в брак ранее 23 лет и ранее выслуги не менее двух лет в той воинской части, где они женятся².

Ситуация с брачным возрастом осложнялась тем, что кроме общего гражданского совершеннолетия, существовало, как пережиток прежде действовавших исключительно церковных законов, еще и церковное совершеннолетие – 15 лет для мужчин и 13 лет для женщин. Этот возраст был назначен уже упоминавшимся указом Синода 1774 г., который никто не отменял. Отношение между этими двумя возрастными брачного совершеннолетия было следующим: решающее значение имело церковное совершен-

¹ СЗРИ. Т. X. – Ст. 3.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1901. № 47. – Ст. 933.

нолетие – если оказывалось, что брак повенчан до достижения женихом или невестой церковного совершеннолетия, то брачившиеся должны были быть разлучены от сожителства. Это разлучение продолжалось до достижения ими гражданского совершеннолетия, когда они могли возобновить брак¹.

Законом был установлен также и крайний старческий возраст, по достижении которого вступать в брак запрещалось. Статья 4 «Свода законов гражданских» гласила: «Запрещается вступать в брак лицу, имеющему более восьмидесяти лет»². Это положение появилось в праве также в XVIII в., а именно в 1744 г., когда был принят указ Синода по частному случаю вступления в брак в возрасте 82 лет. Основанием для принятия этой нормы выдвигалось то, что брак «от Бога установлен для умножения рода человеческого», что от человека преклонных лет «надеяться весьма отчаянно»³.

Несоблюдение постановлений о брачном возрасте являлось нарушением не только гражданских законов, но также и уголовных. «Уложение о наказаниях» в статье 1563 определяло, что за вступление в брак прежде или позднее определенного законами церковными или государственными возраста сочетавшиеся лица и согласившиеся на то заведомо или побудившие к тому родители, опекуны или старшие родственники подвергаются заклю-

¹ См. Загоровский А.И. Указ. соч. – С. 8–9.

² СЗРИ. Т. X. – Ст. 4.

³ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. – С. 411.

чению в тюрьму на срок от 2-х до 4-х месяцев или аресту от 4-х недель до 3-х месяцев¹.

Следующим условием, необходимым для вступления в брак, являлось умственное здоровье. Статья 5 «Свода законов гражданских» постановляла: «Запрещается вступать в брак с безумными и сумасшедшими». Возникновение этой нормы в русском праве также относится ко времени Петра I, когда в 1722 г. вышел указ под заглавием «О свидетельствовании дураков в Сенате», смысл которого состоял в том, что тем дворянам, которые не годятся в службу, «отноудь не женитца». К этому пункту Петр прибавил в черновике: «И замуж итит не допускать». Приписка Петра, таким образом, исключала из сферы брачных отношений не только непригодных к службе «дураков», но и слабоумных девиц. По отношению к девушкам никакой процедуры не было установлено, а для юношей был введен особый порядок освидетельствования в Сенате. Сенат «смотрел» молодых людей, не пригодных в науку и службу, с тем, чтобы не допускать их до брака, грозившего дать плохое потомство и не сулившего «государевой пользы»².

Основные положения петровского указа оставались актуальными и в XIX – начале XX в. в связи с чем в Своде законов сохранился запрет «вступать в брак с безумными и сумасшедшими». Запрет распространялся лишь на тех, кто был признан таковыми по результатам освидетельствования, проводимого специальными органами.

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. – СПб., 1886. – С. 566. – Ст. 1563.

² Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. – Л., 1982. – С. 35.

Рис. 2. Купеческое сватовство. Картина середины XIX в.

Для вступления в брак было необходимо заручиться согласием родителей. В Своде присутствовало безусловное требование согласия на брак со стороны родителей, опекунов или попечителей (статья 6). При этом законодательство стремилось примирить две противоположных традиции: сохранить свободное волеизъявление брачующихся и дать в то же время место для участия в заключении брака воле родителей. В силу этого в статье 12 Свода было зафиксировано: «Брак не может быть законно совершен без взаимного и непринужденного согласия сочетающихся лиц; посему запрещается родителям своих детей и опекунам лиц, вверенных их опеке, принуждать к вступлению в брак против их желания»¹.

¹ СЗРИ. Т. X. – Ст. 12.

Стремясь примирить эти две тенденции, законодательство Петра I прибегало к различным мерам. Так, узаконением 5 января 1724 г. было установлено: «А понеже много случается, что и неволею сочетаемые не дерзают во время брака смело спорить, один за стыд, другие за страх, что уже после является от несогласного тех неволею сочетанных жития, – того ради в прилучающихся у знатных персон и шляхетства и прочих разночинцев браках (кроме крестьянства), прежде венчания брачных приводить родителей их обоих совокупляющихся персон, как отцов, так и матерей, а которые в живых не имеют плотских родителей, то тех, которые вместо родителей действительно вменяются, – к присяге в том, что одни не неволею ль сына женят, другие не неволею ль замуж дочь отдают»¹. Однако эта гарантия свободы жениха и невесты не удержалась в отечественном законодательстве.

В большинстве европейских стран законодательство также требовало согласия родителей на вступление в брак, однако оно было ограничено достижением детьми определенного возраста: в Пруссии – 24 года, во Франции – 25 лет для сыновей и 21 год для дочерей². В России же обязанность спрашивать согласия родителей не ограничивалась никаким возрастом, и это был обязан делать даже совершенно взрослый, самостоятельный человек. Тем не менее браки вопреки воли родителей не признавались действительными, хотя и могли привести к серьезным послед-

¹ ПСЗРИ-2. № 4406.

² Загоровский А.И. Указ. соч. – С. 13–14.

ствиям для «ослушников родительской воли», а именно: заключение в тюрьме на срок от 4 до 8 месяцев и лишения права наследования по закону, если родители впоследствии не простят виновного.

Значимой правовой нормой, касающейся большого числа населения империи, было требование письменного разрешения начальства на вступление в брак для лиц, состоящих на государственной службе: «Запрещается лицам, состоящим в службе, как военной, так и гражданской, вступать в брак без дозволения их начальств, удостоверенного письменным свидетельством»¹.

Традиция испрашивать дозволение начальства на брак имела в России древние корни. Как писал Владимирский-Буданов, «это требование, не существовавшее в византийском праве, встречаем лишь в отечественных памятниках и в обычном праве. Первоначально оно имело общее применение не только для служилых лиц, но и для неслужилых, так как брак, по русскому праву, есть не только личное и семейное дело, но и общественное»². Современники считали причиной такого положения дел патриархальный характер любой власти в России: «Но ни один отец или опекун с семейным советом женили сына и выдавали дочь: это право, при известных обстоятельствах, принадлежало всякой власти, – помещику, общине, царю, – т.к. всякая власть носила отеческий характер... Идея отеческого вмешательства власти в дело заключения брака до

¹ СЗРИ. Т. X. – Ст. 9.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. – С. 415.

сих пор живет даже в нашем законодательстве, выражаясь в обязанности жениха иметь дозволение подлежащего начальства на вступление в брак»¹. Во время петровских реформ эта норма была законодательно закреплена для гражданских и военных чиновников. Она исходила из представлений об обязанности государства опекать своих подданных и вместе с тем из обязанности подданных подчинять личные интересы служебным². Нарушение этого правила, однако, влекло только дисциплинарное наказание – выговор с занесением в послужной список.

Для военных был установлен особый порядок получения такого разрешения. На вступление в брак офицер должен был испросить разрешение у командира своей части, который решал вопрос о пристойности брака, а для этого было необходимо, чтобы невеста была «доброй нравственности и благовоспитана». Кроме того, при разрешении брака, необходимо было принять во внимание общественное положение невесты. Командир части представлял свое заключение на усмотрение начальника дивизии, которому и принадлежало право окончательного решения³.

В 1901 г. были утверждены изменения статей закона об офицерских браках, в соответствии с которыми с 1 января 1902 г. право окончательное право давать разрешение на брак предоставлялось начальнику дивизии. При испра-

¹ Шашков С.С. Очерк истории русской женщины. – СПб., 1872. – С. 87–88.

² Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. – СПб., 2006. – С. 131.

³ Загоровский А.И. Указ. соч. – С. 17.

шивании офицером разрешения на вступление в брак, командир отдельной части рассматривал вопрос о пристойности брака и если он не видел препятствий к его разрешению, представлял свое заключение на усмотрение начальнику дивизии, который принимал окончательное решение. Офицеры, вступившие в брак без разрешения начальства, подвергались ответственности по закону¹.

Офицерам, получающим от казны менее 1200 руб. содержания в год, вступление в брак разрешалось начальством не иначе, как по предоставлению имущественного обеспечения в виде недвижимости, приносящей не менее 300 руб. годового дохода или в виде единовременного вклада в 5000 руб.² Однако сомнительно, чтобы последняя мера часто применялась в провинции. В противном случае большинство офицеров никогда бы не смогли вступить в брак.

Брак также не мог быть заключен при существовании предыдущего, не расторгнутого по закону. Это касалось прежде всего лиц христианских вероисповеданий³. Запрещено многоженство было также у евреев⁴. Что касается браков нехристиан, то российское законодательство регламентировало их в значительно меньшей степени: «Каждому племени и народу, не выключая и язычников, дозволяется вступать в брак по правилам их закона, или по при-

¹ Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. – СПб., 2006. – С. 132–133.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1901. № 47. – Ст. 933.

³ СЗРИ. Т. X. – Ст. 20.

⁴ СЗРИ. Т. X. – Ст. 62, 71.

нятым обычаям, без участия в том гражданского начальства или Христианского духовного правительства»¹. В силу этого, поскольку Коран разрешал мусульманам иметь 4-х жен, это допускалось и существовавшим законодательством.

По закону также существовали ограничения в числе повторных браков, и брак одним человеком, по прекращении предшествующих, мог быть заключен не более трех раз. Статья 21 Свода законов гласила: «Запрещается вступить в четвертый брак». Для предупреждения двойных и четвертых браков предписывалось: «...на выдаваемых лицам обоего пола видах на жительство, в случае вступления сих лиц в брак, делаются надлежащие о том рукою Священника отметки с означением, с кем именно, когда и какой церкви совершено венчание. Сообразно с сими отметками, военные и гражданские начальства, при перемене или возобновлении упомянутых видов на жительство, означают в них и брачное состояние тех лиц, коим они выдаются»².

Вступить во второй брак женщине было сложнее, чем мужчине, в силу целого ряда правовых ограничений: «Наш свод гражданских законов сильно препятствует вторичным бракам женщин. С этой целью он пользуется ничтожными помехами. Он подвергает сомнению их права на опеку над детьми, лишает их этого права и, что всего важнее, права распоряжения имуществом, если дети несовершенноле-

¹ СЗРИ. Т. X. – Ст. 90.

² СЗРИ. Т. X. – Ст. 22.

тние; также он лишает их права на получение денежного содержания от зятя, снохи и т.п.»¹.

Запрещались также браки монахов и лиц, имеющих духовный сан. По церковным постановлениям брак был немыслим как для монахов, так и для священников и диаконов, пока они сохраняют свой сан (статья 2).

Вступление в брак могло быть запрещено и в силу судебного приговора. Запрет распространялся на тех, чей брак был расторгнут вследствие виновности в прелюбодеянии, двоеженстве, неспособности к брачному сожительству или вследствие виновного безвестного отсутствия (статьи 40, 41).

Юридические ограничения на вступление в брак существовали также для лиц, отбывающих наказание. Находящимся под арестом вступать в брак было запрещено. Ссылным до их распределения по местам ссылки в Тюмени также запрещалось вступать в брак между собою, но дозволялось вступать в брак на пути к месту ссылки с не преступниками. Ссылно-каторжным мужчинам и женщинам запрещалось вступать в брак до того, как их переведут в отряд исправляющихся и они там пробудут без замечаний определенный срок – от 1 до 3-х лет в соответствии с разрядом преступления. Эти ограничения устанавливались «Уставом о содержащихся под стражей» и «Уставом о ссылных»².

¹ R.Sc. Статистика брака // Свет. 1879. № 9. – С. 70.

² Загоровский А.И. Указ. соч. – С. 19.

Запрещалось также вступать в брак родственникам и свойственникам. При этом в данном случае Свод законов регулирование данного вопроса отдавал церкви: «Запрещается вступать в брак в степенях родства и свойства, церковными законами возбраненных»¹ – гласила соответствующая статья свода законов. В праве различались следующие виды родства: кровное или естественное, гражданское и духовное. Кровное родство основывалось на «единстве или общности крови», вследствие происхождения одного лица от другого или нескольких лиц от общего предка. Близость или отдаленность кровного родства определялась степенями, а степени считались по числу рождений. Например, между отцом и сыном одно рождение, следовательно, одна степень родства, между дедом и внуком два рождения, и потому две степени родства, две степени родства по боковой линии было между родными братьями, три – между дядями и племянниками. Ряд степеней, последовательно идущих одна за другой, назывался родственной линией².

Под гражданским родством подразумевалась связь, возникающая между известными лицами вследствие усыновления. Духовное возникало после крещения между крестными родителями (восприемниками) и детьми (воспринятыми), на основе восприятия крестимого из купели во время обряда. В духовном родстве считались восприемник, воспринятый, физические родители воспринятого и

¹ СЗРИ. Т. X. – Ст. 23.

² Бердников И.С. Краткий курс церковного права. – Казань, 1888. – С. 75.

нисходящие родственники всех этих лиц¹. Свойством называлось родственное отношение, происходящее от сближения двух родов посредством брака их членов. Свойство определялось правоведами как «связь, основанная на браке двух лиц, принадлежащим к разным родам. Оно называется двухродным, если определяется связь одного супруга с родственниками другого, или же связь родственников обоих супругов, следовательно, связь двух родов, и трехродным, если имеется в виду связь трех родов, например между мачехой и мужем падчерицы»². Отношения свойства приравнивались к кровнородственным на основании библейской формулы о муже и жене как одной плоти. Различалось свойство между одним из супругов и кровными родственниками другого, между кровными родственниками одного и кровными родственниками другого супруга. Обе родственные фамилии, вступившие в свойство, рассматривались как две боковые линии в кровном родстве. Тем самым родственники жены становились родственниками мужа в тех же степенях, в которых они родственны жене, но не по кровному родству, а по свойству.

Подобные запрещения существовали во всех европейских законодательствах и диктовались физиологическими, расовыми и моральными причинами. При этом пределы родства, препятствующие заключению брака, со временем сужались. Так русская православная церковь, первоначально запрещающая браки до 8-й степени родства,

¹ Лещенко В.Ю. Семья и русское православие (XI–XIX вв.). – СПб., 1999. – С. 44.

² Загоровский А.И. Указ. соч. – С. 20.

постепенно снизила требования, ограничившись 4-й степенью. Во второй половине XIX в. церковью запрещались браки между родственниками по прямой линии, а в линиях боковых и в двухродном свойстве до 4-й степени родства включительно; в трехродном свойстве – только свойственникам первой степени. Сверх того, указами Синода предписывалось, чтобы в сомнительных случаях приходские священники испрашивали разрешение у епархиального начальства. В духовном родстве православная церковь запрещала браки восприемника с воспринятой и ее матерью, а восприемнице с воспринятым и его отцом¹.

К числу условий для заключения брака относилось также требование соответствия вероисповедания брачующихся лиц. Это требование обосновывалось соображениями религиозного характера и церковной формой заключения брака. Следуя постановлениям вселенских соборов, русская церковь издавна воспрещала православным заключать браки с иноверцами, отказывавшимися перейти в православие. Ситуация изменилась в XVIII в., когда в состав России вошли обширные территории с неправославным населением, а на русской службе появилось много иностранцев. Начали заключаться браки между православными и представителями других христианских конфессий. Необходимость законодательного подтверждения новой практики привела к появлению ряда узаконений Синода,

¹ Загоровский А.И. Указ. соч. – С. 21.

² Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. – С. 127.

регламентировавших такие браки¹. По новым правилам считалось, что «брак лица верного с неверным правильный и законный есть», если он не приводит к соращению православного². При этом супруги могли придерживаться различной (христианской) веры, но детей следовало крестить по православному обряду.

На протяжении всего XIX в. велась дискуссия о необходимости создания альтернативного единого светского законодательства, допускавшего браки между представителями различных религий. В начале XIX в. неоднократно в Негласном Комитете высказывались мысли о необходимости составления закона о браках, причем данной отрасли права придавалось приоритетное значение³.

Действовавшее законодательство второй половины XIX–начала XX в. запрещало браки между православными и раскольниками, а также между православными, католиками и греко-униатами, с одной стороны, и нехристианами, с другой. Также запрещались браки между протестантами и язычниками. При совершении браков православных с иноверцами «Свод законов гражданских» требовал соблюдения ряда условий: 1) чтобы неправославные давали подписку, что не будут ни поносить своих супругов за принадлежность к православию, ни склонять их к принятию своей веры и что рожденные в браке дети будут

¹ См.: Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. – Л., 1982. – С. 41–42.

² ПСЗРИ-2. Т. VI. № 3814.

³ Архив Государственного Совета. – СПб., 1878. Т. 3. Ч. 2. – С. 28.

крещены и воспитаны в правилах православного исповедания (подписка должна была браться священником перед совершением брака); 2) чтобы при совершении брака были соблюдены все правила, установленные для браков между православными; 3) чтобы браки совершались в православной церкви по православному обряду¹.

Достаточно важен вопрос о форме брака, поскольку только совершение брака в установленной законом форме делало его действительным. Российское законодательство признавало только церковную форму заключения брака, и только эта форма имела силу для лиц всех вероисповеданий, признанных государством: «Законный брак между частными лицами совершается в церкви, в личном присутствии сочетающихся, во дни и время, для сего положенные, при двух или трех свидетелях, совокупно с обручением и во всем сообразно правилам и обрядам»². Гражданский брак законом не предусматривался: «Гражданский брак у нас до сих пор не дозволен, и те невенчаные связи, которые под этим названием все более и более умножаются в обществе, закон считает греховными и преступными, а живущих в них лиц – «явными прелюбодеями»³.

Совершению брака должно было предшествовать так называемое *оглашение*, т.е. оповещение о предстоящем браке. Для православных существовала следующая процедура: желающие вступить в брак были обязаны известить об этом своего приходского священника, сообщив ему

¹ СЗРИ. Т. X. – Ст. 67.

² СЗРИ. Т. X. – Ст. 31.

³ Шашков С.С. Указ. соч. – С. 211.

письменно или словесно свои звания, имена, фамилии. На основании этого извещения священник три раза по воскресеньям или праздникам делал оглашение о предстоящем браке в церкви. Оглашение имело целью дать возможность заявить о препятствиях к браку всем, знающим о них. Вместе с оглашением причт церкви, в которой намечено венчание, должен произвести *брачный обыск*, т.е. исследование о том, существуют ли препятствия к браку, о выполнении которого должна была быть сделана запись в обыскной книге. Акт обыска подписывался женихом и невестой, поручителями жениха и невесты (по 2 с каждой стороны), которые свидетельствовали, что все сведения верны, а также членами причта¹.

Совершение брака представителей нехристианских религий производилось по правилам их вероисповеданий, при этом как у евреев, так и у мусульман требовалось присутствие при венчании свидетелей, а у мусульман также и оглашение о браке².

В особом положении относительно совершения браков находились старообрядцы, которые в законодательстве именовались раскольниками. Исповедание раскольников долго не признавалось государством, соответственно не признавались и их браки. Раскольники могли официально венчаться только при одном условии – присягнув в верности православию, т.е. отказавшись от своей веры. Но так как в раскол перешло огромное число подданных, то госу-

¹ СЗРИ. Т. X. – Ст. 25–29.

² Малышев. Особое приложение к курсу общего гражданского права. – СПб., 1880. – С. 337.

дарство не могло не регулировать их брачного права. При Петре I последовали некоторые послабления, и браки между раскольниками, не освященные церковью, могли утверждаться государством при уплате специальной пошлины¹.

Непризнание браков раскольников продолжалось вплоть до второй половины XIX в. Ясно, что из коллизии двух обстоятельств – непризнания за раскольниками свободы вероисповедания и необходимости регулировать гражданско-правовые последствия брака – был единственный выход: разрешить им совершать браки гражданским порядком, и регистрировать их светскими властями, что и было, наконец, им разрешено указом 19 апреля 1874 г. Для регистрации браков раскольников были введены особые метрические книги. Однако указанные правила распространялись не на всех раскольников, а только на так называемых *записных*, т.е. официально числящихся в расколе². Сама процедура заключения брака слагалась из нескольких моментов: 1) подавалось письменное или словесное заявление в полицейское управление или волостное правление о предстоящем браке; 2) при дверях управления или правления выставлялось в течение 7 дней объявление о предстоящем браке; 3) из полицейского управления выдавалось свидетельство о сделанном объявлении и о том, что никто не заявил о препятствиях к браку; 4) желающие вступить в брак лично являлись в полицейское управление; 5) поручители от жениха и невесты (по 2 с каждой сторо-

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. – С. 426.

² Загоровский А.И. Указ. соч. – С. 49.

ны) письменно заявляют о том, что брак не принадлежит к числу запрещенных законом; б) жених и невеста дают подписки о том, что они принадлежат к расколу от рождения¹.

Вопрос униженного положения старообрядцев по сравнению даже с иноверцами проявлялся в брачном законодательстве и в начале XX в. Так, в поступившем в 1903 г. на имя министра внутренних дел В.К. Плеве «Прощении старообрядцев, приемлющих священство», текст которого был одобрен Пятым всероссийским старообрядческим съездом, говорилось: «Наше брачное законодательство приравнивает старообрядцев, «раскольников» и «еретиков» вообще к магометанам, язычникам и евреям. Желая оставаться верными обрядам предков, мы не можем вступать в браки с принадлежащими к господствующей церкви. Мы не будем говорить о том, как глубоко несправедливо такое отношение к старообрядцам, приемлющим священство; мы укажем только на нравственное значение того подневольного отступничества, которое при известных условиях требуется от старообрядцев и к которому они бывают вынуждены прибегать ... Нельзя ставить истинно верующего и убежденного старообрядца в таком положении, чтобы он отказался от брака с любимой им девушкой только потому, что она принадлежит к господствующему исповеданию, покровительствуемому государственной властью,

¹ СЗРИ. Т. IX. – Ст. 1039.

а он к старообрядчеству, этой властью только терпимому»¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что в течение изучаемого периода тенденцией развития российского законодательства о заключении брака было то, что нормы светского права постепенно вытесняли нормы церковного права, которое выступало уже в большей степени в качестве дополнительного источника, восполняющего лакуны светского законодательства. В начале XX в. светская власть во все большей степени брала под свой контроль вопросы заключения брака.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263. Оп. 4. Д. 29. Л. 5об.

2.2. Расторжение брака

Одним из значимых аспектов правового регулирования брачно-семейных отношений в Российской империи является правовая регламентация расторжения брака.

Ограничивая влияние православной церкви во многих областях в течение восемнадцатого века, царское правительство подтверждало власть церкви над «духовной сферой», в которую входила семья. В ответ церковь попыталась укрепить свой контроль над этой областью, чтобы, с одной стороны укреплять религиозные идеалы, а с другой – оградить себя от дальнейшего государственного вмешательства. В целом в первой половине XIX в. церковные лидеры успешно сопротивлялись попыткам государства либерализовать бракоразводное законодательство или ввести светскую власть в бракоразводный процесс. Как отмечалось, – «Русские самодержцы и высокие государственные чиновники, казалось, полагались на церковь в этой области не только потому, что они тоже считали, что семья находится в церковной сфере, но также и потому, что – особенно после Французской революции –они полагались на церковную власть, чтобы помочь сохранить политическую стабильность через укрепление патриархальной семьи»¹.

Браки, совершенные с нарушением установленным законом условий, считались незаконными и не имели правовых последствий (в частности, рожденные в таких бра-

¹ Wagner W.G. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. – Oxford, 1994. – P. 71.

ках дети считались незаконнорожденными). Действительный же брачный союз мог быть прекращен или расторгнут. По учению церкви брак прекращается только физической смертью, и данное представление отразилось и в законе: «Брак прекращается сам собою через смерть одного из супругов». При этом «по смерти одного из супругов, оставшийся в живых может вступить в новый брак, если нет законных к тому препятствий»¹.

Расторжение брака могло быть произведено только «формальным духовным судом» по просьбе одного из супругов. Бракоразводными делами ведала церковь. С 1805 г. все бракоразводные дела со всех концов Российской империи сосредотачивались в Синоде. Как отмечали правоведы, «эта централизация бракоразводных процессов способствовала, конечно, немало развитию постоянства в бракоразводной практике; но вместе с тем и укреплению в ней письменного формализма, связанного с заглазным и по мертвому материалу изучением дела и с неминуемыми от этого последствиями достижением больше формальной основательности, чем материальной правды»².

К середине XIX в. одной из главных проблем в институте развода были противоречия между системами церковного законодательства и гражданского права. Изначально правовая система пыталась пересмотреть границы между духовным и светским участием в институте развода посредством введения отличия между внутренней стороной брака, подвластной церкви и внешними отношениями,

¹ СЗРИ. Т. X. – Ст. 43, 44.

² Загоровский А.И. Указ. соч. – С. 128.

регулируемыми государством¹. К концу XIX в. принятие решения о подтверждении окончания брака, официального признания о его действительности или недействительности и развод были по-прежнему в юрисдикции духовных судов, «несмотря на то, что личные и имущественные отношения супругов и детей относились к юрисдикции гражданского суда»². Таким образом, различные стороны семейной жизни контролировались гражданским правом и церковным законодательством. Бракоразводный процесс мог рассматриваться гражданским судом, например, в случае совершения преступления против государства или исчезновения в «неизвестном направлении», но перед этим исковое заявление должно было быть поданным в Духовную консисторию.

Закон устанавливал, что прекращение брака могло быть осуществлено по инициативе одного из супругов при наличии обстоятельств, оговоренных законом, которые являлись основаниями для подачи прошения о разводе³.

Причины, по которым брак мог быть расторгнут, были четко определены законом. Это были: 1) доказанное прелюбодеяние одного из супругов; 2) неспособность одного из супругов к брачному сожителству; 3) «в случае, когда один из супругов приговорен к наказанию, сопряженному с лишением всех прав состояния или же сослан на жительство в Сибирь, с лишением всех особенных прав и

¹ См. Трохина Т. «Пикантные ситуации»: некоторые размышления о разводе в России конца XIX в. // Семья в ракурсе социального знания. – Барнаул, 2001. – С. 86.

² Wagner W.G. Op. cit. – P. 160.

³ Способин А.Д. О разводе в России. – М., 1881. – С. 83–84.

преимуществ» и 4) в случае безвестного отсутствия одного из супругов¹.

Каждый бракоразводный процесс включал в себя несколько обязательных элементов. Традиционной была следующая схема: подача прошения от имени одного из супругов, предоставление необходимых документов (метрических выписей, письма приходского священника о его попытках «возвратить супругов на путь истинный» и т.д.), официальная клятва на Библии, слушание дела в суде, подтверждение решения от Святейшего Синода, возможность подачи апелляции и отказ². Можно привести пример прошения о начале бракоразводного процесса: омский мещанин Лазарь Алексеевич Благодатских писал: «Жена моя по второму браку Любовь Семеновна Благодатских, ведя неблагопристойный для семейной жизни образ действий, позволила себе сотворить блуд, и в данное время сожительствует с... Леонидом Фадеевым... оставив меня с малолетней дочерью от первого брака. Признавая действия жены крайне для меня прискорбными и влекущими расстройство в домашнем обиходе, я вынужден обратиться в Духовную консисторию и покорнейше просить о расторжении брака и о разрешении мне на вступление в новый брак»³.

¹ СЗРИ. Т. X. – Ст. 45.

² Розенштейн М.Л. Практическое руководство для ведения бракоразводных дел, а также дел о признании браков незаконными и недействительными. СПб., 1915. С. 25–26.

³ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 16. Оп. 1. Д. 226.

Под прелюбодеянием подразумевалось «оскорбление святости брака» фактом половой связи одного из супругов с лицом посторонним. Необходимо было, чтобы прелюбодеяние было фактом состоявшимся, а не покушением, чтобы оно было совершено сознательно и свободно, следовательно прелюбодеяние, совершенное вследствие насилия или во сне, не могло дать повод к разводу. Факт прелюбодеяния должен был подтвержден несколькими свидетелями¹. Кроме того, даже личное признание вины в нарушении святости брака со стороны ответчика не являлось доказательством и не принималось во внимание Духовной консисторией, если оно не соответствовало показаниям другого супруга и свидетелей. Поскольку брак не мог быть расторгнут по взаимному согласию, данный повод давал единственную возможность для развода путем дачи ложных свидетельских показаний². Известный дореволюционный историк права В. Трелин высказал мнение, что такая практика была широко распространена в России к началу XX в. Для того, чтобы доказать прелюбодеяние, супругам нужно было только «устроить романтическую «случайную встречу», различные «пикантные ситуации» или же воспользоваться свидетельскими показаниями «знакомых людей», кто был готов подтвердить любое ложное свидетель-

¹ Мордвинов В.Н. Сборник законов, распоряжений и разъяснений о браке и разводе. – СПб., 1896. – С.56.

² См. Трохина Т. Указ. соч. – С. 90–94.

ство за деньги. Статья 249 Устава Святейшего Синода выполняется, и публика счастлива»¹.

По подсчетам демографов, в начале XX в. доля разводов по причине «доказанного прелюбодеяния» достигала 95%². Причиной этого было то, что остальные основания для расторжения брака были ещё более трудно доказуемы и менее доступны для симуляции.

Последствия развода по причине прелюбодеяния заключались в запрещении виновному супругу вступать в брак навсегда (эта норма сохранялась до 1904 г.) и в назначении церковного наказания – епитимьи – по церковным правилам. Виновный мог быть также заключен в монастырь или в тюрьму на срок от 4-х до 8-ми месяцев. Однако заключение в тюрьму могло применяться только по решению светского суда и только в том случае, если другой супруг не обращался в церковный суд за разводом. Фактически действовавшее законодательство уже не знало иных наказаний за прелюбодеяние, кроме развода. Законодательством выделялось и квалифицированное прелюбодеяние – *бигамия*, т.е. двоебрачие.

Неспособность к брачному сожитию являлась поводом для развода при наличии следующих условий: если эта неспособность естественная («природная») и существовала до брака, и если со дня заключения брака прошло не менее

¹ Трелин В.Ф. О расторжении браков в Духовных Консисториях. – СПб., 1906. – С. 7–8.

² Тольц М.С. Брачность населения России в конце XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость и смертность в России и СССР. – М., 1977. – С. 143.

трех лет. По точному смыслу действовавших законов даже венерическая болезнь одного из супругов не могла быть поводом к расторжению брака, даже если она была нажита супругом до брака. Точно так же должен был оставаться в силе брак с лицом оскропленным, если оскропление произошло после заключения брака. Кроме того, данный повод был сильно стеснен процессуальными постановлениями и, таким образом, мало пригоден для применения на практике. Личного заявления о половой неспособности к супружеской жизни считалось недостаточным. Консистория во главе с архиереем принимала во внимание только тщательное медицинское освидетельствование такого лица, не избегая внимательного исследования подробностей интимных отношений супругов¹. Последствием развода по причине признания супруга неспособным к брачному сожителству было запрещение ему вступать в брак навсегда.

Для того, чтобы безвестное отсутствие супруга составляло повод для развода, три факта должны были быть констатированы, прежде чем духовный суд приступит к решению. Должно было быть удостоверено, что между просителем супругом и отсутствовавшим действительно был заключен брак, что супруг находится в *безвестном* отсутствии (поэтому пребывание даже многие годы в отсутствии известном и даже так называемое *злонамеренное оставление супруга* не являлось поводом), а также что отсутствие длилось установленный законом срок.

¹ Лещенко В.Ю. Семья и русское православие (XI–XIX вв.). – СПб., 1999. – С. 164.

Изданные 14 января 1895 г. правила о расторжении браков по безвестному отсутствию одного из супругов предусматривали следующий порядок. После того, как один из супругов, отлучившись из места своего жительства, отсутствовал более 5 лет, то другой супруг мог просить о расторжении брака и о дозволении вступить в новый. Просьба о расторжении брака должна была подаваться в духовную консисторию по месту жительства просителя с приложением метрической выписи о браке. В просьбе проситель обязан был указать: где проживали супруги, совместно или раздельно жили, где и когда последний раз виделись, когда и при каких обстоятельствах началось безвестное отсутствие супруга, когда и откуда получены были последние сведения о нем, какое имелось у обоих супругов недвижимое имущество, из какого сословия оба происходили, каковы были занятия или служба отсутствующего супруга. Кроме того, проситель был обязан назвать поименно всех известных ему родственников, как своих, так и отсутствующего супруга и их место жительства. Он мог представить любые, имевшиеся в его распоряжении доказательства, удостоверявшие безвестное отсутствие супруга в течение 5 лет, а также указать лиц, могущих это подтвердить.

Приступив к производству дела о расторжении брака, консистория рассылала через полицейские управления повестки ко всем родственникам и лицам, которые могли иметь сведения об отсутствующем, а также могла обратиться в губернское правление для разыскания сведений. Объявление о предъявленном иске должно было опублико-

ваться в «Церковных ведомостях», рассылавшихся по всем приходам. Если в результате всех этих мер были получены известия о месте пребывания супруга, то дело прекращалось, и брак оставался в силе. И только в том случае, если через год с момента публикации объявления никаких сведений об отсутствующем супруге не поступало, консистория, по ходатайству просителя, приступала к рассмотрению обстоятельств дела.

Состоявшееся решение по делу епархиальное начальство должно было представить на утверждение Синода¹. При расторжении выдавалось уведомление, гласившее, например: «по решению Святейшего Синода брак томского второй гильдии купца Павла Максимовича Горбачева с женой его Анной Ефимовой, урожденной Афиногеновой, вследствие неспособности его к супружеской жизни расторгнуть и он оставлен навсегда в безбрачном состоянии»².

Особым образом регламентировался развод при ссылке. При этом «из всех пяти видов ссылки только ссылка в каторжную работу, на поселение и житье, при наличии второстепенных условий... дают по закону право на расторжение брака, но при том непременно, главном условии, чтобы ссылка эта была определена судебным приговором в Сибирь, а не в какие-либо другие, хотя бы и отдаленные места»³. В этом случае, если другой супруг не по-

¹ См. Загоровский А.И. Указ. соч. – С. 135–136.

² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 233. Оп. 2. Д. 51. Л. 163–163об.

³ Григоровский С. Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводе и судопроизводство по делам брачным. – СПб., 1896. – С. 173.

следовал добровольно за осужденным, он имел право «просить свое духовное начальство о совершенном расторжении брака, которое в разрешении сей просьбы руководствуется правилами своего исповедания»¹. В силу этого, например, для католиков развод по этой причине был невозможен. В браках же между православными и в браках православных с лицами других исповеданий супруги лиц, присужденных к ссылке в Сибирь и не последовавшие за осужденным на место ссылки, по истечении 2 лет со дня вступления в силу приговора могли направлять прошение о расторжении брака в Духовную консисторию. Если же супруг последовал за осужденным к месту его ссылки, то он терял право на развод по этой причине².

Соответственно и супруг, приговоренный к каторжным работам или ссылке на поселение в Сибирь, имел сам право, в том случае, если второй супруг не последовал за ними, подавать прошение о разводе и разрешении вступить в новый брак по истечении определенного срока: ссыльно-каторжные первого разряда – через три года, второго разряда – через два, третьего – через год после поступления в отряд исправляющихся; ссыльно-поселенцы – по истечении двух лет со дня вступления в силу судебного приговора.

Кроме указанных поводов к разводу, в соответствии с законодательством, брак мог быть расторгнут: 1) при принятии обоими супругами монашества по взаимному согласию, 2) в случае принятия крещения одним из супругов не

¹ Уложение о наказаниях. СПб., 1895. – Ст. 46.

² СЗРИ. Т. X. – Ст. 52.

христиан, если оставшийся некрещенным супруг не пожелает жить с обращенным или не даст обязательства воспитывать детей в православной вере¹.

Поскольку бракоразводное право во многом регулировалось церковными правилами, основания для развода у неправославных были другими. Порядок и причины развода регламентировались не «Сводом законов гражданских», а постановлениями соответствующих религиозных организаций. Строже всего к разводу относилась католическая церковь. У католиков оснований для развода было всего три: 1) прелюбодеяние, 2) жестокое обращение одного супруга с другим, 3) уличение одного из супругов в преступлении или проступке, подвергающем его суду и уголовному наказанию.

Более терпимо относились к разводам евангелистско-лютеранское и реформатское вероисповедания. Согласно их постановлениям, причинами к разводу признавались: 1) нарушение супружеской верности, 2) злонамеренное оставление одного супруга другим, 3) долговременная (более 5 лет) отлучка, 4) отвращение или неспособность к сожитию, 5) неизлечимая прилипчивая (т.е. заразная) болезнь, 6) сумасшествие, 7) развратная жизнь, 8) жестокое и угрожающее опасностью жизни обхождение, ругательства и иные чувствительные оскорбления, 9) доказанное судебным порядком намерение лишить жизни или чести супруга, 10) тяжкое преступление, в том числе и противоестественные пороки.

¹ СЗРИ. Т. IX. Ст. 347; Т. X. – Ст. 80–83.

Развод у мусульман допускался в следующих случаях: 1) по требованию жены в случаях лишения мужа всех прав состояния, его безвестном отсутствии в течение 5 лет, вследствие супружеской неверности, безумия, оскорбления и полового бессилия мужа; 2) по усмотрению мужа, если он совершеннолетний, в здравом уме, а жена состоит в законном и постоянном браке и не беременна; 3) по обоюдному согласию с вознаграждением мужа за развод, 4) вследствие взаимного отвращения супругов, 5) по обряду проклятия при обвинении жены в прелюбодеянии или непризнании мужем ребенка своим.

У иудеев действовало положение, по которому муж не должен был давать своей жене развода без причин важных, по крайней мере настолько, чтобы они казались уважительными в глазах всякого богобоязненного человека. Причем, если приведенные мужем причины не признаются женой действительными для развода, то раввин в присутствии двух духовных лиц разрешал вопрос о действительности развода. Для жены причины развода с мужем устанавливались следующие: 1) физические недуги мужа, делающие невозможность к сожитию, 2) когда муж примет на себя такие труды и обязанности, которые угрожают жене опасностью лишиться жизни и здоровья, 3) если муж предается безрассудным привычкам и наклонностям, угрожающим жене потерей жизни, 4) если муж ленив и не хочет работать, чтобы доставить жене средства к жизни, 5) если муж перейдет в другую веру¹.

¹ См. Загоровский А.И. Указ. соч. – С. 142–143.

Архаичность российского законодательства о разводе вызывали серьезную критику в общественном мнении, в публицистике даже звучали насмешки над «неповоротливостью» брачно-семейного права империи. Оформить развод в то время для большинства населения империи было действительно сложно.

Хотя, по мысли Б.Н. Миронова, закон, обычай и практика позволяли человеку расторгнуть брак, когда он становился для него неприемлемым, – главная трудность заключалась не в отсутствии возможностей, а в том, что их реализация требовала знаний, времени, средств и наталкивалась на противодействие самого населения, отрицательно относившегося к расторжению брака¹.

Вопросы брачно-семейного законодательства на рубеже XIX–XX вв. стали предметом жарких дискуссий юристов, публицистов, общественных деятелей. Одним из наиболее дискуссионных моментов являлся вопрос о расторжении брака. Так, например В.В. Розанов писал в 1908 г.: «В Государственную думу внесен г. министром юстиции законопроект о разводе. И теперь своевременно напомнить все то, что в последние годы говорилось у нас о разводе, и вообще потревожить эту старушку канонического права и вместе светского законодательства...»².

Исследователи отмечают, что: «К началу XX века каноническое учение о святости и нерасторжимости брака

¹ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т.. – Т. 1. – СПб., 2014. – С. 746.

² Розанов В.В. Каков развод, таков и брак // Русское Слово. 1908. 20 марта. № 67.

утратило свое влияние в обществе. Правовая практика выявляла расхождение реальных и декларируемых признаков брака, указывала на необходимость развития процедур заключения и расторжения брака, формирования новой правовой идеологии брака. Новое светское брачно-семейное право отражало в первую очередь экономические, политические и идеологические интересы государства»¹.

Вильям Вагнер в своей книге «Брак, собственность и права в поздеимперской России» приводит следующий случай, попавший на страницы газет: «В один прекрасный летний день 1902 года Фиона Шарапова выбросилась из окна второго этажа здания Калужского окружного суда. Ее действия были спровоцированы решением суда о том, что она юридически обязана жить со своим мужем. Когда смущенные чиновники добрались до тяжело раненой женщины, они обнаружили пузырек с ядом, спрятанный в ее платье»².

По мысли автора, несмотря на то, что в кратком описании дела, опубликованном в либеральном журнале «Право», содержится мало деталей, оно отражает усиление и сближение в начале XX в. в имперской России двух источников давления на пересмотр семейного законодательства. Еще с конца 1850-х гг. представители образованных и высших слоев российского общества требовали внесения

¹ Левшин, Э. М. Становление и развитие брачно-семейного законодательства в дореволюционной России: дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2003. – С. 11.

² Wagner W.G. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. – Oxford, 1994. – P. 61.

изменений в закон с учетом новых социальных условий и потребностей. При этом требуемые изменения, как правило, соответствовали идеалам различных общественных течений и являлись частью более широких процессов социального и идеологического осмысления. В 1890-е гг., число людей, – особенно женщин всех социальных слоев, – которые стремились к официальному освобождению от супружеских уз, существенно возросло. Для образованных сторонников правовой реформы такое увеличение числа случаев официального расторжения брака является убедительным доказательством того, что семейное право империи срочно нуждается в пересмотре в соответствии с их собственными идеалами и представлениями¹.

Неоднократно предпринимались попытки изменить существовавший в Российской империи бракоразводный процесс после Первой русской революции. Начиналась работа над созданием нового Гражданского уложения, в котором предполагалось значительно расширить основания для разводов и упростить процедуру расторжения брака. Тем не менее, вплоть до 1917 г. проект Гражданского Уложения не был утвержден, как и не был принят и законопроект о разводе 1908 г., о котором писал В.В. Розанов.

Существовавшая правовая ситуация привела к тому, что впоследствии, после октябрьской революции 1917 г., когда, в соответствии с большевистским законодательством, процедура расторжения брака была предельно упрощена, возник эффект «взрыва отложенных разводов»,

¹ Wagner W.G. Op. cit. – P. 61.

проявишейся в том, что в первые годы Советской власти количество разводов в разы превышало количество заключенных браков.

Таким образом, можно сделать вывод, что брачно-семейное законодательство Российской империи содержало целый ряд архаичных черт, утверждавших патриархально-авторитарные отношения в семье.

В отношении регламентации разводов российское законодательство даже в начале XX в. продолжало во многом соответствовать каноническому церковному праву, в значительной степени отставая от насущной необходимости регламентации новых систем взаимоотношений, возникавших в модернизирувавшемся обществе.

ГЛАВА 3. Регламентация внутрисемейных отношений

3.1. Регламентация взаимоотношений супругов

Внутрисемейные отношения также регулировались законодательством. Этому были посвящены несколько глав «Свода законов гражданских»: «О правах и обязанностях, от супружества возникающих» и «О власти родительской». При этом отношения между супругами рассматривались в двух аспектах: как личные отношения и как имущественные: «закон не только русский, но вообще как правовая норма, предполагает двоякого рода отношения супругов. Личные, под которыми следует понимать отношения, возникающие из совместной жизни двух лиц, двух субъектов, одаренных волей и способностью мышления, и имущественные, т.е. отношения, возникающие между супругами по поводу имущества, которое каждый из них вносит, вступая в брак или уже по его заключении»¹.

Законодательство Российской империи устанавливало систему властных отношений внутри семьи. Анализ законов о личных правах супругов показывает главенство мужчины: «Муж сообщает жене своей, если она по роду принадлежит к состоянию низшему, все права и преимущества, сопряженные с его состоянием, чином или зва-

¹ Женщина в семейной и социальной жизни. – СПб., 1901. – С. 494.

нием»; «Жена именуется по званию мужа»¹. Эта традиция восходила к средним векам, когда основной стандарт семейной жизни был основан на «Домострое» – своде правил для идеального поведения в семье. Данная традиция на протяжении веков сохраняла основные элементы идеального поведения и в законодательстве. Согласно духу и букве закона семейного права, муж обладал практически абсолютной властью над своей женой, а родители – над детьми. В. Вагнер отмечал: «Отражая всеобщий автократический социо-политический порядок, имперский «Свод законов» определял семейные отношения в терминах авторитарности, покорности, сыновнего и дочернего долга, патриархальной обязанности»².

Однако было бы неправильно рассматривать правовое положение женщины как полностью бесправное. Не будучи равными между собою в отношениях друг с другом, муж и жена пользовались равенством в своих отношениях к третьим лицам – к детям и обществу. Правоспособность и дееспособность жены ничем не были ограничены еще по Судебникам Московского царства³.

И муж, и жена по закону наделялись обязанностями по отношению друг к другу. Здесь также видно главенство мужчины: «Жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства, пребывать к нему в любви, и почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома»⁴. Формулировка

¹ СЗРИ. Т. IX. Ст. 3.; Т. X. – Ст. 100, 102.

² Wagner W.G. Op. cit. – P. 62.

³ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. – С. 438.

⁴ СЗРИ. Т. X. – Ст. 107.

обязанностей жены почти дословно вошла в том X Свода законов из устава благочиния 1782 г. В статье Свода законов было только добавлено весьма характерное выражение «в неограниченном послушании». Понятие неограниченности было расплывчатым и противоречило другим законодательным постановлениям. Действительно, взятое буквально, оно должно было вести к отказу жене в праве иска на мужа по какому бы то ни было поводу, чего российское законодательство не отнимало у жены никогда. Понятие о неограниченной власти мужа над женой также вступало в противоречие с положениями о необходимости детей повиноваться родителям. Вопрос об отношении власти мужа над женой и власти над ней ее родителей стал даже предметом специального рассмотрения в Сенате еще до издания Свода законов. Этот вопрос был решен в пользу мужа. В сенатском решении 1802 г. значилось: «Одно лицо двум неограниченным властям, каковы суть родительская и супружеская, совершенно удовлетворить не в состоянии, а особливо в случае могущей быть между изволениями их противоположности»¹. На основании этого решения в Свод законов была включена следующая статья (ст. 108): «Жена обязана преимущественным повиновением воле своего супруга, хотя притом и не освобождается от обязанностей в отношении к ее родителям»².

Таким образом, относительные полномочия мужа и родителей по-прежнему были плохо разграничены, как и полномочия родителей в отношении сына, покинувшего

¹ ПСЗРИ-2. № 20519.

² СЗРИ. Т. X. – Ст. 108.

родительское хозяйство. Однако, несмотря на такую нечеткость, основная посылка закона ясна: в семье, как и в государстве и обществе в целом, индивиды определяются с точки зрения их положения. При этом, как отмечал В. Вагнер, – «в иногда перекрывающихся структурах подчинения приоритет устанавливался на основе старшинства и пола»¹.

Рис. 3. Б.М. Кустодиев. Купец и его жена.

Содержавшаяся в Своде законов характеристика власти мужа как «неограниченной» вызвала резкую критику современников, отмечавших, что оно идет в разрез с развитием законодательства: «Опережая прогресс нравов, русское законодательство в царствование Петра Великого признало за женой право защищать свою личность и собственность от посягательств со стороны своего мужа. Как, спрашивается, согласуется этот закон с требованием нашего «Свода», чтобы жена «пребывала ... в неограниченном послушании своему мужу»? Чтобы разрешить ваше недо-

¹ Wagner W.G. Op. cit. – P. 63.

умение, я должен заметить, что редакторы сводов не всегда были логичны и последовательны и что было бы ошибкой в простой обмолвке, в злоупотреблении словом «неограниченный» видеть отступление от всего исторического хода нашего законодательства»¹, утверждал М.М. Ковалевский.

Для поддержки широкой общей власти имперское законодательство наделяло мужей конкретными полномочиями по контролю за деятельностью их жен.

Из главенства мужа вытекало и положение закона об обязанности жены жить вместе с мужем: «Супруги обязаны жить вместе. Посему: 1) строго воспрещаются всякие акты, клонящиеся к самовольному разлучению супругов; 2) при переселении, при поступлении на службу, или при иной перемене постоянного места жительства мужа, жена должна следовать за ним»².

Жена была обязана всюду следовать за мужем, и суд мог принудить ее к этому. Таким образом, Замужняя женщина законом была лишена свободы передвижения в соответствии со ст. 103 Свода законов гражданских. В то же время современники отмечали, что данная норма на практике не работала. Современники отмечали, что правило ст. 103 Свода законов гражданских лишено санкции и часто случаются ситуации, когда ответчица прибывала вместе с судебным приставом в дом мужа, который делал надпись на исполнительном листе о приведении судебного

¹ Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. – СПб., 1895. – С. 113.

² СЗРИ. Т. X. – Ст. 103.

решения о совместной жизни супругов в исполнение и уходил, а следом за ним уходила и жена¹.

Другие вообще считали, что иск мужа о водворении к нему жены невозможен, поскольку он требует принятия насильственных мер не против имущества, а против личности ответчика. В этой связи предлагалось следующее: так как в связи с неисполнением женой обязанности жить с мужем могут возникнуть убытки, то муж вправе предъявить жене иск об их возмещении².

В 1860 г. было принято дополнение с ст. 103 Свода законов, предусматривавшей обязательное совместное проживание супругов, которое давало право женщинам не получая развод уклоняться от совместного жительства, в тех случаях, если муж был отправлен в ссылку, выселен по приговору общества, жестоко обращался с женой или отличался «развратным поведением»³. Кассационные департаменты Сената толковали эту поправку достаточно широко, что открывало многим женщинам возможность устраивать свою жизнь самостоятельно. Данное дополнение было компромиссом между церковными и светскими властями: брак формально сохранялся, развод церковь не давала, но женщина получала фактическую самостоятельность⁴.

¹ Никольский Б.В. Совместная жизнь супругов // Юридическая газета. 1901. № 92.

² Бардзский А.Э. Иск мужа о водворении к нему жены // Журнал министерства юстиции. 1898. Кн. 2. С. 194-198.

³ Законы о правах и обязанностях, от супружества возникающих / Сост. Г.В. Бертгольдт. – М., 1881. – С. 13–17.

⁴ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т.. – Т. 1. – СПб., 2014. – С. 714.

Жена получала паспорт с разрешения мужа. Нарушившая супружескую верность жена могла быть подвергнута тюремному заключению. Фактически право не защищало женщину от физического насилия со стороны мужа, если дело не доходило до нанесения тяжких телесных повреждений.

Замужняя женщина без разрешения своего мужа не имела права работать по договору найма (ст. 2202 Свода законов гражданских). А.И. Загоровский полагал, что речь в данном случае шла о договоре личного найма, который влек иное, чем предусмотренное ст. 103 Свода законов гражданских, место жительства жены¹

Один из критиков семейного права писал: «Все льготы, дарованные замужней женщине современным законодательством, были бы, конечно пустым звуком, если бы вместе с тем ей не была дана возможность ими воспользоваться. Эта возможность состоит в праве жаловаться на своего мужа и привлекать его к судебной ответственности. Часто нападают за это на современного законодателя. Упрекают государство в том, что оно вмешивается не в свое дело. Кричат о бесполезной, а подчас и вредной регламентации, о профанации наиболее священных отношений, о скандале, неизбежно связанном с оглашением фактов интимного характера. Никому, однако, и в голову не приходит, какие потрясающие драмы то и дело разыгрываются на этих мнимых «алтарях» в тех странах, где, если

¹ Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса, 1909. С. 202–203.

и не закон, то по крайней мере обычай не допускает никакого протеста со стороны притесняемой»¹.

В то же время и на мужа закон накладывал обязанности по отношению к жене: «Муж обязан любить свою жену, как собственное тело, жить с нею в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки и облегчать ее немощи. Он обязан доставлять жене пропитание и содержание по состоянию и возможности своей»². Т.е. юридические обязательства мужей, как правило, менее существенны и поэтому их трудно обеспечить

Данная статья закона звучит как общие морализаторские рассуждения. Единственная конкретная обязанность мужа, установленная здесь – это обязанность доставлять пропитание. Подобная расплывчатость формулировок закона о взаимных обязанностях супругов вполне понятна, поскольку вообще личные отношения трудно поддаются регулированию законодательством. Как выразился историк права М.Ф. Владимирский-Буданов, «вообще личные отношения супругов с положительной их стороны неуловимы для законодательства»³. Другой правовед говорил об этом так: «Современный законодатель признает за супругами не только взаимные права, но и взаимные обязанности. Он не дает однако их полного перечня, т.к. самая природа брачных отношений не допускает слишком строгой регламентации. В настоящее время одно лишь русское законодательство столь наивно, что налагает на супругов обязанность любить друг друга. Незачем и добавлять, что

¹ Ковалевский М.М. Указ. соч. – С. 112.

² СЗРИ. Т.Х. – Ст. 106.

³ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. – С. 439.

оно не пользуется, благодаря этому, большим авторитетом»¹.

Рис. 4. Купеческая семья. Конец XIX в.

Гораздо более четко были регламентированы имущественные отношения супругов, так как «имущественная сторона брачного сожития играет одну из главнейших в нем ролей»². Традицией российского права, часто удивлявшей иностранцев, являлась традиция обладания женщиной определенной, самостоятельной собственностью. Как отмечали современники, «в разрезе с полным подчинением жены мужу идет во всей нашей истории начало раздельности имущественных прав супругов. В имущественной сфере женщина имела значение сама по себе, как

¹ Ковалевский М.М. Указ. соч. – С. 113.

² Азаревич Д. Семейные отношения по русскому праву // Журнал гражданского и уголовного права. 1883. № 4. – С. 105.

всякий полноправный член государства»¹. При этом вся история имущественных прав женщин в XVIII–XIX вв. – это история постепенного получения и расширения женщинами права распоряжения своим имуществом без согласования с мужем или его разрешения². «Здесь [в имущественных отношениях] жена уже не является взрослым ребенком, нуждающимся в руководителе и защитнике ее интересов, здесь закон уже не считает необходимым взывать к снисхождению и извинению супруга к жениным недостаткам, тут она является вполне самостоятельной личностью, полным правоспособным юридическим лицом, способным ко вступлению во все почти дозволенные законом гражданские правоотношения»³.

В полном смысле понятие об отдельном имуществе жены окончательно было установлено указом Анны Иоанновны от 17 марта 1731 г.: «Собственным их [жен] приданным имениям, и что они, будучи замужем, куплею себе или после родственников по наследству присовокупити, быть при них, но зачитая того в ту указную дачу, что надлежит дать им из мужня»⁴.

Имущественные отношения между супругами были построены на принципе раздельности имущества, и заключение брака не влекло за собой установления общности

¹ Добровольский В.И. Брак и развод. Очерк по русскому брачному праву. – СПб., 1903. – С. 27.

² См. Пушкарева Н.Л. Имущественные права женщин в XVIII–начале XIX в. // Семья в ракурсе социального знания. – Барнаул, 2001. – С. 188–189.

³ Женщина в семейной и социальной жизни. – СПб., 1901. – С. 498.

⁴ ПСЗРИ-2. Т. VIII. № 5717.

супружеского имущества. Статья Свода законов гласила: «Браком не составляется общего владения в имуществе супругов; каждый из них может иметь и вновь приобретать отдельную свою собственность», при этом «супругам дозволяется продавать, закладывать и иначе распоряжаться своим имением, прямо от своего имени, независимо друг от друга и не испрашивая на то взаимно ни дозволительных, ни верующих писем»¹.

Одним из аспектов раздельности имущества супругов являлось право супругов заключать обязательства между собой. Право это допускалось обычаем еще в доимперский период, однако в XVII–XVIII вв. оно было подвергнуто сомнению законодателем. Так, при Екатерине II этот вопрос в 1763 г. рассматривался Сенатом и решен так, что продажа имений женами мужьям не должна была допускаться². Однако в начале XIX в. было принято другое решение, и в Свод законов уже вошло положение, разрешавшее все сделки между супругами: «Супругам не возбраняется взаимно перекреплять между собою собственное их имение посредством продажи или дара, на общем законном основании. Всякому лицу, состоящему в законном браке, и владеющему каким бы то ни было недвижимым имением на праве собственности, дозволяется, по желанию его, все таковое имение, или же часть его, завещать в пожизненное владение супруга, или супруги, мимо всех прочих наследников»³. Заслуживает внимания, что закон говорит относительно всех имущественных вопросов о полной равно-

¹ СЗРИ. Т. X. – Ст. 109, 114.

² ПСЗРИ-2. Т. XVI. № 11764.

³ СЗРИ. Т. X. – Ст. 116.

правности мужа и жены: «Характерной особенностью нашего семейного права есть и было всегда строгое проведение нашим законодательством начала равноправности полов, осуществляемого нашими законами в имущественных отношениях между супругами»¹.

Однако полная имущественная независимость жены по действовавшему законодательству второй половины XIX в. подлежала некоторому ограничению. Супруги могли каждый независимо от другого входить в обязательства к третьим лицам; но жене запрещалось давать на себя векселя без согласия мужа, «если она сама от своего лица не производит торговли». Это узаконение было взято из устава о векселях 1832 г., где данное запрещение распространялось как на жен, так и на детей без позволения родителей².

Необходимо сказать, что современники по-разному относились к этому. Так, например, специалист по семейному праву А.И. Загоровский считал, что существующая система раздельности имущества супругов «не может быть оправдана ни существом брака, ни практическими потребностями, ни историческим развитием». Он писал: «Брак есть возможно полное общение жизни супругов; между тем, при системе раздельности, муж и жена – люди чужие друг другу»³. Сходное мнение высказывал Д. Азаревич:

¹ Евреинова А. М. Краткий очерк прав женщин в семье // Первый женский календарь на 1905 год. СПб., 1905. – С. 397.

² Савельев А. Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа. – Нижний Новгород. 1881. – С. 80.

³ Загоровский А.И. Указ. соч. – С. 217.

«...брак есть полное единение, начало имущественной разделенности вводит в него обособление»¹.

Рис. 5. Мещанская семья. 1900-е гг.

Другой современник так характеризовал имущественные отношения супругов: «Имущества супругов не сливаются в одну безразличную массу, не составляют, ни в каком случае, общей собственности, остаются различными по источникам происхождения. Единство супружеского союза выражается в управлении мужа приданым, но личность жены самостоятельна и не закрывается личностью мужа»².

Анна Михайловна Евреинова, – первая из русских женщин, получившая степень доктора права (в Лейпцигском университете), так высказывалась по этому поводу:

¹ Азаревич Д. Указ. соч. – С. 111.

² Ковалевский М.М. Указ. соч. – С. 77.

«В имущественной раздельности супругов кроется глубокий смысл, историческая последовательность и мудрая предусмотрительность. Тут в этой раздельности осуществляется признание со стороны гражданского общества священных прав человеческой личности в женщине. Только при полной раздельности имущества возвышается брачный союз на степень действительного полного *общения* интересов лиц, вступающих в него, так как тут налицо как субъект, так и объект прав, достигающих не фиктивного, а действительного общения по мере одухотворения личных отношений супругов, идя рука об руку с развитием нравственной природы человека»¹.

Дореволюционный правовед Д.И. Мейер, анализируя отношения между супругами, высказывался, что брак не оказывает влияния на их имущественную сферу и, таким образом они чужды друг другу по имуществу. Отсюда между супругами могут возникать всякого рода сделки. С его точки зрения, в реальной жизни супруги сообща пользуются и распоряжаются имуществом, говорят «наш дом», «наши деньги». Д.И. Мейер задается вопросом: «Откуда этот разлад в законодательстве и действительности?»².

Правоведы нередко объясняют это аномальное явление российского законодательства царствованием женщин-императриц: говоря, что императрицы Елизавета и Екатерина II, «сочувствуя интересам своего пола», желали ограждать имущество жен от власти мужей и, воспользовавшись неопределенностью права насчет имущественных отноше-

¹ Евреинова А. М. Указ. соч. – С. 397.

² Мейер Д.И. Русское гражданское право. – СПб., 1910. – С. 573–574.

ний между супругами, установили начало разъединения имущественных прав супругов¹.

В целом, общим результатом изучения вопроса об имущественных отношениях супругов нужно признать вывод о том, что российское законодательство имело своей отличительной особенностью равенство имущественных прав обоих супругов.

Исследователи уже отмечали, что возможно, наиболее важным юридическим преимуществом замужних женщин в императорской России по сравнению с их западноевропейскими и американскими коллегами было их право распоряжаться своей собственностью, включая приданое: «Происхождение этого права в царской России оспаривается, и его масштабы со временем значительно колебались, как по регионам, так и по видам собственности и социальным группам. Но, по-видимому, она прочно утвердилась в XVIII веке, по крайней мере для женщин из привилегированных социальных групп. Такая имущественная власть могла бы стать противовесом их полной личной подчиненности мужьям. В отличие от этого, за исключением ограниченных обстоятельств, замужние женщины в большинстве западноевропейских стран и американских государств не получали сопоставимой имущественной независимости до середины XIX века или позднее»².

¹ Желдыбина Т.А., Лядашева-Ильичева М.Н. Личные и имущественные отношения супругов в России во второй половине XIX – начале XX века: историко-теоретический аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2003. – № 3. – С. 20.

² Wagner W.G. Op. cit. – P. 66.

*Рис. 6. Супружеская чета из духовного сословия.
Начало XX в.*

Таким образом, основой личных взаимоотношений супругов в браке являлся институт власти мужа, который выражался в обязанности жены проживать совместно с мужем, следовать за ним при перемене места жительства, повиноваться ему, а также пребывать к нему в любви и неограниченном послушании. Без согласия мужа жена не могла заключать сделки, а также принимать участие в гражданском процессе, защищая свои права. Мужу принадлежала также отеческая власть, т.к., он являлся преимущественным опекуном своих детей. Для поступления замужних женщин на государственную и общественную службу, или в некоторые учебные заведения также требовалось согласие мужа.

Отражая автократический социально-политический порядок в целом, «Свод законов» определял семейные отношения с точки зрения власти, послушания, сыновнего долга и патерналистских обязательств. И наоборот, концепция личных прав отдельных членов семьи получила лишь слабое признание.

Как отмечалось: «И закон, и обычай наделяли главу семьи практически абсолютной властью, и большинство семей оставалось иерархическим: отец был главой; жена его помощник и конечный исполнитель; а дети, как и крепостные, безоговорочно покорны и послушны»¹.

В соответствии с действующим законодательством и существовавшими обычаями женщины были ограничены в правах и свободах в значительно большей степени, чем мужчины. При этом, как отмечают исследователи: «В формировании концепции неравенства прав женщин и мужчин в законодательстве России значительное влияние оказало законодательство европейских государств, основанное на положениях римского права»²; «...законодательно формировалась и поддерживалась традиционная патриархальная семья, соответствующая православным христианским традициям, основанная на подчинении женщин мужчинам,

¹ Engel, B.A. Mothers and Daughters: Family Patterns and Female Intelligentsia // The Family in Imperial Russia. New Lines of Historical Research. Urbana; Chicago; London, 1976. – P. 45.

² Ворошилова С.В. Правовое положение женщин в России в XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2011. – С. 11.

младших старшим, следовании жены судьбе и социальному статусу мужа»¹.

Вместе с тем, в отличие от западноевропейского законодательства, российские гражданские законы устанавливали принцип раздельного владения имуществом супругами и предусматривали известную самостоятельность замужних женщин в решении имущественных вопросов, а также не считали мужа естественным попечителем своей жены. Институт раздельного жительства супругов, предусмотренный законодательством ряда европейских государств, отсутствовал в отечественных законах. Степень соблюдения на практике прав, которыми официально пользовались замужние женщины в соответствии с имперским законодательством, оставалась неопределенной, равно как и порядок обращения жен к официальным средствам правовой защиты в случае жестокого обращения или супружеского конфликта.

¹ Ефременкова Д. А. Эволюция правового положения супругов в России: IX – конец XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – с 186.

3.2. Регламентация взаимоотношений родителей и детей

Большое внимание Свод законов уделял регламентированию отношений между родителями и детьми. Этому был посвящен раздел II «Свода законов гражданских» – «О союзе родителей и детей и союзе родственном», состоявший из нескольких глав. При этом современники отмечали сложность законодательного регулирования таких отношений: «Союз между родителями и детьми, как и союз супружеский, трудно поддается регулированию права, так как отношения, возникающие из этого союза, являются более естественно-нравственными, чем юридическими, вследствие чего и законодательство не может дать в этом случае точных предписаний. Поэтому, при определении этих отношений, оно ограничивается только общими чертами»¹.

Как отмечали специалисты, значительные изменения в этой сфере права также происходили в течение XVIII в.: «В это же время русская семья сильно потерпела от вторжения в нее государственной власти: отцы должны были отказаться от права распоряжаться судьбою своих сыновей. Это право приносилось в жертву интересам новозданного государства»². Законодательство XVIII в., в том же Уставе благочиния 1782 г., которым определялись личные отношения супругов, старалось определить и личные

¹ Загоровский А.И. Указ. соч. – С. 221.

² Стоюнин В.Я. Наша семья и ее исторические судьбы // Вестник Европы. 1884. № 1. – С. 31.

отношения родителей и детей. Родители были названы *властелинами* над своими детьми, по закону природная любовь к детям обязывала давать им пропитание, одежду и воспитание¹. Впоследствии многие положения Устава благочиния вошли в соответствующие разделы Свода законов гражданских. Родительская власть практически ничем не была ограничена, долг, который упоминался в законе, являлся долгом моральным, и из него не вытекало никаких исковых прав для детей. Российское законодательство, в который уже раз, ставило перед собой идеальные цели и пыталось моральные нормы возвести в ранг закона. Так, по российскому законодательству почтение к памяти родителей должно было продолжаться и после их кончины.

Регулируя юридическими нормами отношения между родителями и детьми, право делало различие между законнорожденными и незаконнорожденными детьми. Законнорожденными признавались все дети, рожденные в законном браке, даже если они родились слишком рано от совершения брака (т.е. раньше 180 дней после бракосочетания), если только отец не отрицал законности их рождения или, в случае прекращения или расторжения брака, если после смерти отца или расторжения брака прошло не более 306 дней. Соответственно, незаконнорожденными признавались все дети, рожденные вне брака, если они не были узаконены установленным порядком, а также все «прижитые в браке», который по приговору суда признан незаконным и недействительным². По закону отец должен был со-

¹ ПСЗРИ-2. № 15397. – Ст. 41.

² СЗРИ. Т. X. – Ст. 119, 125, 131, 132, 134.

держат своих незаконнорожденных детей и их мать, однако незаконнорожденные дети были сильно ограничены в правах: они не имели права носить фамилию отца, и наследовать имущество родителей¹. Как отмечал современник, «тем же архаическим духом проникнуто и наше законодательство о незаконных детях. Юридическая бесправность их до сих пор поддерживает их социальную отверженность»².

Действовавшие узаконения о личных отношениях между родителями и детьми слагались из ряда постановлений, касающихся правового положения детей, и постановлений, определявших родительскую власть. По закону дети получали фамилию своих родителей, точнее фамилию отца, как следствие принадлежности ребенка к отцовской семье, а также приобретали «права состояния» своего отца³.

По представлениям правоведов, отношения между родителями и детьми основывались на естественной зависимости вторых от первых. Это зависимость порождала, главным образом, права родителей, однако вместе с правами неразлучно шли и обязанности, поскольку «родительская власть существует не ради интересов только родителей»⁴.

Родительская власть простиралась на детей обоого пола *«и всякого возраста»* (статья 164). Она не прекращалась, а только ограничивалась поступлением детей в учеб-

¹ СЗРИ. Т. X. – Ст. 136.

² Шашков С.С. Указ. соч. – С. 209.

³ СЗРИ. Т. IX. С–т. 39, 324, 502, 536, 541, 710, 1015.

⁴ Загоровский А.И. Указ. соч. – С. 236.

ное заведение, на службу или вступлением в брак (статья 179). Прекращалась власть родителей только с их смертью или при лишении всех прав состояния, если дети не последуют за родителями к месту ссылки (статья 178). Таким образом, по российскому законодательству родительская власть была пожизненной и ни совершеннолетний возраст, ни вступление в брак, ни хозяйственная или служебная независимость детей, ни тяжкое преступление родителей (если оно не влечет за собой лишения всех прав состояния), ни очевидная опасность от родительской власти для детей не прекращали этой власти. По строгому смыслу закона, даже совершеннолетние и самостоятельные люди, не состоявшие на государственной службе, и чиновники, вышедшие в отставку, находились в неограниченном распоряжении своих родителей, которые для их исправления могли наказывать их, в том числе и физически. А.И. Загоровский отмечал: «Здесь сказывается патриархальный взгляд на значение родительского авторитета, но не удовлетворяющий запросам жизни. Умалять значение родительской власти, конечно, не следует, но и укреплять ее без нужды и даже во вред детям тоже не следует»¹. Можно согласиться с мнением современника: «Семейное законодательство до сих пор имеет крайне патриархальный характер. Основую семейства служит неограниченная власть родителя»².

Важным моментом было то, что в русском праве родительская власть традиционно имела двойственный ха-

¹ Загоровский А.И. Указ. соч. – С. 288.

² Шашков С.С. Указ. соч. – С. 207.

рактар, т.е. ею обладали и отец, и мать в равной степени: «Одною из наиболее характерных черт славянского законодательства является равноправие отца и матери. Последняя, точно так же, как и первый, могла требовать от детей знаков подчинения и послушания во время их малолетства и поддержки и прокормления в течение всего остального периода своей жизни»¹. Законодательство везде говорило именно о родительской власти, подразумевая власть обоих родителей, а не только отца. Отец и мать по отношению к детям находились в соответствии с законом в одинаковом положении, только опекунские права над имуществом, перешедшим в собственность малолетних детей, принадлежали одному отцу. После смерти отца все права родительской власти принадлежали исключительно матери, ей же принадлежали и опекунские права после смерти мужа².

Для осуществления своей власти родители наделялись полномочиями наказывать детей. Для исправления детей строптивых и неповинующихся они имели право «употреблять домашние исправительные меры». В случае же безуспешности этих мер родители были властны детей обоего пола за неповиновение и «другие явные пороки» заключать в тюрьму. При этом дети не имели права жаловаться на обиды и оскорбления, нанесенные родителями, за исключением только подлежащих уголовному наказанию случаев: «В личных обидах или оскорблениях от детей на родителей не приемлется никакого иска, ни граж-

¹ Ковалевский М.М. Указ. соч. – С. 117.

² СЗРИ. Т. X. – Ст. 164, 229.

данским, ни уголовным порядком. Но правило сие не распространяется на те случаи, когда родители, в отношении к лицу детей своих, покушаются на такие деяния, которые по общим законам подлежат наказанию уголовному»¹.

Рис. 7. Купеческое семейство с детьми. Начало XX в.

Кроме значительной власти, законодательство накладывало на родителей и обязанности. Родители обязаны были давать несовершеннолетним детям пропитание, одежду и воспитание «доброе и честное, по своему состоянию», а также должны были «обращать все свое внимание на нравственное образование своих детей»². При этом обязанность содержания и воспитания детей признавалась именно совместной обязанностью родителей.

На протяжении пореформенного периода постепенно усиливалась правовая защищенность детей. Правоведы положительно оценивали эти тенденции развития права: «Уже не семейный совет, а государство стоит на страже

¹ СЗРИ. Т. X. – Ст. 168.

² СЗРИ. Т. X. – Ст. 172, 173.

детских интересов, именно оно наблюдает теперь за действиями родителей и пресекает злоупотребления. Прежде отец мог убить своих потомков, лишить их свободы, продать и отдать в кабалу. Теперь он имеет одно только право наказания, да и его он может осуществлять лишь под контролем государства и его судов»¹.

Законодательство регламентировало и имущественные отношения между родителями и детьми. Со времен Петра I русское законодательство неуклонно развивалось по пути выделения имущественных прав отдельных лиц. При этом постепенно развивавшаяся в русском праве имущественная обособленность родителей и детей вылилась в твердое правило, по которому родители не имели права на отделенное или частное имущество своих детей и не могли распоряжаться таковым иначе, как по их согласию: «Родители не имеют права на отделенное или частное имущество своих детей и не могут распоряжаться им иначе, как по согласию и уполномочию самих владельцев, ответственюя в противном случае за все нанесенные виною их убытки, наравне с лицом посторонним»². В тех случаях, когда родители управляли имуществом несовершеннолетних детей, это управление могло осуществляться ими только на праве опеки³.

По традиции законодательство различало неотделенных и отделенных детей, относя к первым тех, которым из родительского имения не выделено никакой части имущества, а ко вторым – тех, которым уже выделена законная

¹ Ковалевский М.М. Указ. соч. – С. 116.

² СЗРИ. Т. X. – Ст. 193.

³ СЗРИ. Т. X. – Ст. 180.

доля или какая-либо часть имущества родителей¹. В сущности, это подразделение не отражалось на объеме прав тех и других: и неотделенные дети также были самостоятельны в имущественных отношениях, как и отделенные. Для определения меры дееспособности детей решающее значение имел возраст, т.е. наступление совершеннолетия, а не факт отделенности или неотделенности. Те из неотделенных детей, которые получали или приобретали сами имущество в свою собственность, пользовались относительно управления и распоряжения им такими же правами, как дети неотделенные.

Совершение выдела было делом личного желания родителей, дети, даже по достижении совершеннолетия, не имели права требовать выдела. Мера выдела из благоприобретенного имущества родителей не была ограничена: родители могли назначить выделяемому такую часть, какую только пожелают, вне зависимости от того, какую часть получают другие наследники. Получая выдел, человек отказывался от права на оставшееся благоприобретенное имущество родителей и мог претендовать только на установленную законом долю в родовом имуществе, если он не получил ее при выделе. Приданое являлось выделом дочери по случаю замужества², поэтому все постановления о выделе применялись и к приданому.

Сочетание религиозных соображений и стремления укрепить существующий социальный и политический порядок также способствовало жестокому обращению с неза-

¹ СЗРИ. Т. X. – Ст. 182, 190.

² СЗРИ. Т. X. – Ст. 1001.

коннорожденными детьми в соответствии с имперским законодательством, хотя в данном случае закон также стремился защитить имущественные интересы патрилинейной родовой группы: «Определяя в качестве законных только тех детей, которые родились в законном браке, т. е. детей, признанных официально признанной церковью, закон не только укреплял церковный контроль над браком и пытался обеспечить соблюдение религиозных норм сексуального поведения, но и защищал родственные связи»¹.

В отличие от западноевропейского законодательства, которое в большинстве случаев устанавливало взаимные юридические права между незаконнорожденными детьми и их матерью, а иногда и отцом, законодательство Российской империи не предоставляло таким детям никаких прав в отношении обоих родителей.

Только с 1891 г. последующий брак родителей автоматически приводил к узаконению внебрачных детей. Без брака отец мог официально узаконить ребенка только по высочайшему разрешению. Однако этой возможностью пользовались только привилегированные слои населения. С 1902 г. внебрачные дети перестали считаться незаконными и получали право носить фамилию отца, наследовать его имущество².

Законодательство предусматривало возможность усыновления детей. До XVIII в. усыновление совершалось посредством особого акта церковной власти и освещалось особым церковным обрядом – *сынотворением*. Впослед-

¹ Wagner W.G. Op. cit. – P. 72.

² Загоровский А.И. Указ. соч. – С. 428–429.

ствии регулирование этого вопроса берет на себя государство. Для усыновления необходимо было выполнить ряд условий. Усыновитель должен был иметь общую гражданскую правоспособность, возраст не мене 30 лет и быть старше усыновляемого не меньше чем на 18 лет. По идее института усыновления, оно имело целью заменить то, в чем отказала природа, поэтому лицам, имевшим собственных законных детей, усыновление запрещалось. Кроме того, по закону усыновление лицами духовного сословия – священнослужителями и церковными причетниками допускалось не иначе, как с разрешения епархиального начальства, усыновление мещанами и крестьянами производилось с ведома (но не с согласия) их обществ, а для усыновления нижними воинскими чинами требовалось разрешение их начальства¹.

Усыновленным могло быть любое лицо, без различия пола и возраста. Усыновлять разрешалось своих воспитанников, приемышей и чужих детей, причем лица, достигшие 14 лет, должны были дать на это собственное согласие. Согласие также требовалось от родителей усыновляемого, его опекунов и попечителей, если таковые имелись. Никто также не мог быть усыновлен двумя лицами, кроме случая усыновления супругами². В первой редакции Свода законов содержался запрет на усыновление собственных незаконнорожденных детей, но впоследствии этот запрет был отменен.

¹ СЗРИ. Т. X. – Ст. 145, 146, 151, 157, 160.

² СЗРИ. Т. X. – Ст. 145, 147, 149.

Кроме того, в законодательстве существовали различные ограничения религиозного и сословного характера. Нехристианину нельзя было усыновлять христианина и наоборот, раскольникам и сектантам нельзя было усыновлять православных, но православным усыновлять раскольников разрешалось. Нельзя было казакам, не пользующимся правами потомственного дворянства, усыновлять лиц не казачьего сословия без зачисления их в состав войска. Иностранцы могли усыновлять подкидышей и не помнящих родства, но только при том условии, чтобы усыновленные сохраняли русское подданство и воспитывались в православной вере¹.

Что касается порядка усыновления, то оно заключалось в оформлении воли его участников. В законе говорилось о необходимости предварительного договора между участниками усыновления. Окружному суду (по месту жительства усыновителя или усыновляемого) должны были быть представлены данные, удостоверявшие согласие всех участников усыновления, при этом их личная явка в суд была не обязательна. Суду должны были быть представлены сведения и удостоверения, подтверждавшие соблюдение всех требований закона: о возрасте, семейном, сословном положении и религии. Суд, рассмотрев все эти данные и выслушав заключение прокурора, определял об удовлетворении ходатайства или об отклонении его. Усыновление считалось состоявшимся со дня вступления определе-

¹ СЗРИ. Т. X. – Ст. 148, 161, 163.

ния суда в законную силу, при этом заинтересованные лица имели право оспаривать решение в двухгодичный срок¹.

Рис. 8. Дворянская чета с детьми. Конец XIX в.

Усыновление вызывало последствия публичного и частно-правового характера. Усыновленные дворянами и потомственными почетными гражданами, если они имели меньшие права состояния, приобретали после усыновления личное почетное гражданство, если же они располагали большим статусом, то сохраняли право своего состояния. Усыновленные купцами могли быть внесены в сословные купеческие свидетельства наравне с родными детьми усыновителя. Усыновленные иностранцами зачислялись в русское подданство².

Что касается последствий частно-правового характера, то они были различны относительно усыновленного,

¹ Загоровский А.И. Указ. соч. – С. 396–397.

² СЗРИ. Т. X. – Ст. 153, 156, 163.

усыновителя и родственников того и другого. Усыновленный по отношению к своему усыновителю приобретал юридическое положение «законного дитяти», причем действие усыновления распространялось и на потомство усыновленного, т.е. его дети читались внуками усыновителя. Усыновитель мог передать свою фамилию усыновленному, но этот акт не был обязательным. Так, передача фамилии не допускалась, если усыновленный пользовался большими правами состояния, чем усыновитель. Передача фамилии потомственными дворянами была возможна только с разрешения императора. Усыновленный также приобретал право на получение содержания и воспитания от усыновителя, при этом он не терял права на получение содержания от своих настоящих родителей, если таковые были, поскольку усыновление не прерывало юридической связи усыновленного со своими родителями¹.

Усыновленный приобретал право наследования усыновителю, но только благоприобретенного имущества, родовое же имущество, как имеющее наследственную преемственность исключительно среди кровных родственников, он не наследовал. Наследственные права усыновленного имели личный характер и на его потомство и прочих родственников не распространялись.

Отношения, вытекающие из усыновления, прекращались по тем же причинам, что и родительская власть, т.е. вследствие смерти усыновителя или лишения его всех прав состояния, следовательно усыновление не могло быть прекращено по воле усыновленного или усыновителя.

¹ СЗРИ. Т. X. – Ст. 152, 156.

Большинство современников достаточно критично оценивали брачно-семейное законодательство Российской империи. Как отметил В. Вагнер, «критика имперского семейного права со стороны образованного общества была сфокусирована на принципах патриархальной авторитарности, неравных статусах, патрилинейной системе родства и широкой церковной юрисдикции, которую подчеркивал существующий закон»¹.

Современник писал: «Свод законов, вследствие своего формального компилятивного характера, вследствие того, что в нем сведены в одно самые разнохарактерные законы, накопившиеся в течение столетий, не проникнут никакими определенными принципами относительно семьи и женщины. И хотя наше брачное законодательство, своими постановлениями, благоприятными для женщин, напоминает нам, что последняя прошла такой длинный ряд унижений и подневольных страданий не даром, – что она, при крайней неблагоприятности исторических условий, все-таки успела во многом улучшить свое положение сравнительно с тем, в каком находились, – но, с другой стороны, наше законодательство во многом следует не только духу, но даже букве законоположений древней Руси»².

Нужно отметить, что законодательство, хотя и содержало широкое определение полномочий мужей и родителей и расплывчато определяло их обязанности, тем не менее несколько ограничивало осуществление супружеских или родительских полномочий. Так, требуя согласия

¹ Wagner W.G. Op. cit. – P. 61.

² Шашков С.С. Очерк истории русской женщины. – СПб., 1872. – С. 207.

жены на ее трудоустройство, а детей – на вступление в брак, закон, как представляется, признает принцип, согласно которому индивидуальные права жен и детей ограничивают полномочия мужей и родителей. Однако эти ограничения, как заметил В. Вагнер, – «в большей степени обусловлены концепцией договоров как добровольных по своему характеру и ортодоксальной концепцией брака как добровольного акта, чем какой-либо доктриной индивидуальных прав»¹.

Хотя родители могли быть привлечены к ответственности за растрату имущества своих детей, а муж – к уголовной ответственности за убийство детей или жены, целью закона в большей степени было сохранить общественный порядок и обеспечивать соблюдение официально санкционированной религиозной и общественной морали, а не защищать отдельных жен и детей. Более того, законодательство допускало применение телесных наказаний в семье и практически не предусматривает возмещения за злоупотребления ими или за злоупотребление властью мужа или родителя в целом.

Таким образом, практически единственным средством правовой защиты от жестокого обращения со стороны мужа или родителя являлось уголовное преследование за причинение тяжкого вреда. Однако на практике, мало кто из жен, не говоря уже о детях, был способен или желал инициировать такие действия. Помимо связанных с этим издержек и процедурных трудностей, осуждение мужа лишало семью крайне важной рабочей силы и материальной

¹ Wagner W.G. Op. cit. – P. 64.

поддержки. Кроме того, жена по-прежнему юридически была обязана жить со своим мужем после его возвращения из тюрьмы или ссылки.

Общественный подъем в России в 1850-1860-х гг. способствовал тому, что в прессе развернулась критика семейного права. Под влиянием требований общественности была предпринята попытка создания нового Гражданского кодекса, который обеспечивал правовое равенство всех членов семьи, защищал их права, не устраняя общих обязательств перед семьей как единым целым, словом, создавал новый морально-юридический порядок: «Наши псевдопатриоты пользуются каждым случаем, чтобы заявить о превосходстве русского брачного законодательства над законами Европы. Даже в Англии завидуют имущественной полноправности нашей женщины. Но и эта похвальба, и эта зависть справедливы только в том случае, когда предметом их служат одни только имущественные права; во всех же других отношениях юридическое положение русской женщины может возбуждать только чувство глубокого сожаления и желание, по возможности, скорейших реформ наших законов о семейном союзе, о правах и обязанностях супругов. Вопрос о допущении гражданского брака и о более рациональных условиях расторжения брачного союза давно уже выдвинут самую жизнь на очередь практического разрешения»¹.

¹ Шашков С.С. Указ. соч. – С. 211.

Однако проект нового либерального кодекса¹ так и не был принят. Весьма архаичной чертой законодательства, например, было то, что вплоть до 1917 г. адюльтер, неуважение к родителям, злоупотребление родительской властью и некоторые другие проступки рассматривались как уголовные преступления, т.е. как преступления против общества и общественного порядка, а не как частные дела.

Тем не менее архаичность русского законодательства не стоит преувеличивать. Американский историк В. Вагнер отмечал: «Пытаясь укрепить авторитет мужей и отцов, законы Российской империи, конечно, не отличались от западноевропейского и американского законодательства XIX в. Более того, отсутствие точных установлений в российском законодательстве иногда давало замужним женщинам большие формальные права, чем те, которыми довольствовались западноевропейские и американские женщины, особенно попадавшие под юрисдикцию французского гражданского кодекса»².

Основные тенденции в развитии правового регулирования семейных отношений современник сформулировал так: «...родительская власть из более менее безграничной... превратилась в ограниченную и подверженную контролю со стороны государства, представители которого стали принимать от детей жалобы на злоупотребления родителей и лишать последних прав по отношению к первым. Эволюция эта проходила чрезвычайно медленно...

¹ Гражданское уложение. Проект высочайше утвержденной редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Книга вторая. Семейственное право. – СПб., 1902.

² Wagner W.G. Op. cit. – P. 65.

Результатом многовекового прогресса семьи является замена идеи неограниченной власти и абсолютного права мыслью о договоре и взаимной обязанности. Ограничение отцовского и супружеского произвола, расширение прав жены и охрана детских интересов, отнюдь не служа к гибели семьи, лишь возвысили ее нравственный уровень»¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что законы Российской империи, регулирующие семейную жизнь в изучаемый период, становились с течением времени либеральнее, происходило постепенное усовершенствование законодательства путем внесения частных дополнений в существующий Свод законов. Основными тенденциями развития права были постепенное ограничение родительской власти, расширение прав женщин и детей и увеличение их правовой защищенности

¹ Ковалевский М.М. Указ. соч. – С. 118–123.

ГЛАВА 4. Опека и попечительство. Наследственное право

4.1. Опека и попечительство

Опека и попечительство рассматривались законодательством Российской империи XIX – начала XX в. как неотъемлемая часть семейного права.

После смерти хозяина, в случае отсутствия взрослых мужчин в семье, вдова и малолетние дети начинали испытывать нужду в стабильном, гарантированном источнике доходов, поскольку далеко не всегда вдова могла заниматься «делом» в силу некомпетентности, некоторых правовых ограничений, загруженности работой по дому. Поэтому заботу о сохранении имущества малолетних наследников до их совершеннолетия брали на себя опекуны и попечители¹. Институт опеки существовал для призрения недееспособных граждан, нуждающихся в заботе: «После прекращения естественной родительской власти возможно и необходимо установление искусственной власти над семьей, если в ней остаются малолетние члены. Это установление именуется *опекой*»².

¹ Зуева Е.А. Опека и попечительство у сибирского купечества в последней четверти XVIII–первой половине XIX в. // Социально-культурное наследие Сибири. Бахрушинские чтения 1991 г. – Новосибирск, 1991. – С. 26.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. – С. 457.

Поводом для установления опеки являлось полное или частичное отсутствие у опекаемого правовой или хозяйственной дееспособности. Причины этого могли быть различными: несовершеннолетие опекаемого, его неспособность вести свои хозяйственные дела, затянувшиеся споры по разделу имущества между наследниками и т.д. Свод законов гражданских содержал особый раздел – «О опеке и попечительстве в порядке семейственном», который регулировал институт опеки над несовершеннолетними, безумными, сумасшедшими, глухими и немыми. Опеки, учреждаемые в других случаях, как не относящиеся к «учреждениям семейственным», регулировались Сводом законов о состояниях, законами гражданского судопроизводства и Уставом о предупреждении и пресечении преступлений¹.

Попечительство дополняло опеку. По закону попечительство касалось только охраны имущества, а не самого человека. С 14-летнего возраста опекаемый мог просить о назначении себе попечителя. Опека переходила в попечительство по достижении несовершеннолетним 17 лет. С этого момента он вступал в управление своим имуществом. Однако давать письменные обязательства, совершать сделки и распоряжаться капиталами мог не иначе как с согласия своих попечителей. Попечительство прекращалось при достижении совершеннолетия, которое по закону наступало с 21 года².

С точки зрения действовавшего законодательства, опека являлась установленным государством попечением о

¹ СЗРИ. Т.Х. – Ст.212.

² СЗРИ. Т. X. – Ст. 220, 221.

личности и имуществе тех, кто «по малолетству и сиротству» или по другим причинам не могли сами позаботиться о себе и своем имуществе. Таким образом, опека являлась установлением государственным, а не частно-правовым.

Установление опеки как особого государственного учреждения относится к XVIII в. По указу Петра I о единонаследии 1714 г. главный наследник считался опекуном своих малолетних братьев и сестер. По инструкции 1724 г. предписывалось магистратам назначать опекуна в том случае, если он не был назначен завещанием отца.

Окончательное установление органов опеки и попечительства происходит по законодательству Екатерины II. Основными характеристиками созданного юридического института стали его сословный принцип, законодательная регламентация прав и обязанностей опекунов, установление системы опекунских учреждений.

Согласно «Учреждениям для управления губерниями Всероссийской империи» 1775 г. для дворян устанавливалась дворянская опека при уездном суде, а для горожан – городской сиротский суд при магистрате. Опека над малолетними казенными крестьянами была поручена в 1797 г. волостному голове, а опека над лицами духовного сословия – духовному начальству в 1817 г. Структура опекунских органов, отражавшая сословный принцип института опекунства, существовала вплоть до 1917 г.

В конце XIX – начале XX в. опека и попечительство представляли собой особый правовой институт – совокупность норм, регулирующих осуществление социальной заботы о детях-сиротах. Специфика дореволюционного института опекунства состояла в том, что большая часть его

норм была расположена одновременно в двух отраслях законодательства – гражданском и семейном. По мнению Е.П. Мерко, – опекунство нельзя отнести полностью к области государственного права, т.к. государство только наблюдало и контролировало опекунское управление, но само не должно было совершать опекунские функции даже через свои учреждения. По характеру опекунского управления опека в конце XIX – начале XX в. – это представительство: опекун действовал вместо, от имени, в интересах и используя средства малолетнего¹.

Специфика дореволюционного института опекунства состояла в том, что законодательно закрепленные нормы об опеке затрагивали, прежде всего, дворянское и городское сословия.

По Учреждению о губерниях определялись качества, требуемые от опекуна: опекуном не мог быть банкрот и подсудимый, тогда же был определен порядок отдачи в опеку, власть опекуна и прекращение опеки. Если опекун не был назван в завещании, его назначала дворянская опека или сиротский суд, оставленному имуществу составлялась опись.

Обязанности опекуна не ограничивались управлением именем, он должен был воспитывать опекаемого надлежащим образом, причем закон определял даже необходимые качества домашних учителей и прислуги. Опекун был обязан представлять ежегодные отчеты. За исполнение обязанностей опекуна было назначено вознаграждение в

¹ Мерко Е.П. Эволюция института опекунства детей-сирот в Российской Империи в 1890-1914 гг.: дис. ... канд. истор. наук. – Белгород, 2012. – С. 158.

размере 5% от годового дохода с опекаемых имуществ. В 1785 г. было также установлено различие опеки и попечительства¹.

Институт опеки был построен на сословном начале, каждое сословие имело свой особенный опекунский орган. Так, для попечения о малолетних сиротах и вдовах (попечение опекунских инстанций о вдовах было особенностью русского права, не известной праву западноевропейских стран) дворянского сословия на один или несколько уездов учреждались дворянские опеки. Опекунскими и сиротскими делами купцов, мещан и цеховых, так же, как и личных дворян и разночинцев, заведовали сиротские суды. Опека над сиротами духовного звания осуществлялась церковными властями, для чего существовали епархиальные попечительства о бедных духовного звания. На крестьянские общества была возложена обязанность по призрению круглых сирот крестьянского сословия. В силу этого, как отмечал современник, «основная особенность организации наших опекунских учреждений есть сословность их. Но эта особенность есть вместе с тем и существенный недостаток ...сословные различия значительно изгладились: разница между общественными классами, конечно, есть, но эта разница несколько не препятствует тому, чтобы одни и те же учреждения могли ведать дело призрения русских граждан»².

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. – С. 459–460.

² Загоровский А.И. Указ. соч. – С. 423–424.

Сиротские суды являлись специально учрежденными органами опеки и попечительства для горожан¹. Сиротский суд состоял из членов, избираемых на 3 года частными собраниями сословий города – купеческого, мещанского и ремесленного. Председательствовал в суде городской голова или другое лицо, специально избранное для этой цели городской думой и утвержденное губернатором². Все члены сиротского суда, как предусматривалось законом, должны были регулярно переизбираться на конкурсной основе.

На заседаниях сиротского суда заслушивались прошения различных организаций и частных лиц об учреждении опеки над вдовами и сиротами. Прошение подавалось от лица вдовы, ближайших родственников вдов и детей, городского головы или двух посторонних людей и приходского священника. В качестве просителей часто выступали кредиторы умершего, так как до учреждения опеки они не имели возможности истребовать свои долги³.

Сиротский суд назначал опекунов, к которым закон предъявлял высокие требования: «Выбор в опекуны должен быть обращаем на таких людей, кои нравственными качествами дают надежду к призрению малолетнего в здравии, добронравном воспитании и достаточном по его состоянию содержании, и от которых ожидать можно отеческого к малолетнему попечения. Посему запрещается определять опекунами: 1) расточивших собственное и ро-

¹ Российское законодательство X–XX веков. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. – М., 1987. – С. 233.

² СЗРИ. Т. X. – Ст. 234, 238.

³ Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. 34. Оп. 1. Д. 135, 174 и др.

дательское имение, 2) имеющих явные и гласные пороки, или же лишенных по суду всех прав состояния, или всех особенных прав и преимуществ, как лично, так и по состоянию им присвоенных, 3) известных суровыми своими поступками, 4) имевших ссору с родителями малолетнего, 5) несостоятельных»¹.

Опекун мог отказаться от выполнения своих обязанностей только по очень серьезной причине. На заседаниях сиротских судов заслушивались ежегодные отчеты опекунов, рассматривались различные просьбы лиц, состоящих под опекой, разбирались спорные вопросы по опекам, составлялись отчеты вышестоящим учреждениям о состоянии опекаемых имуществ.

Все движимое и недвижимое имущество, поступавшее в опеку, подлежало учету и оценке. Этим занималась специальная комиссия, в которую входили члены сиротского суда, родственники вдов и сирот, если таковые имелись, два посторонних свидетеля, в некоторых случаях приглашалась и полиция². Контроль над опекунами со стороны сиротских судов не гарантировал от злоупотреблений. Так, состояние умершего в 1882 г. томского купца 1-й гильдии Д.И. Тецкова пополнило имущество опекунов над его малолетними детьми³. Г.Х. Рабинович считал опекунство над малолетними детьми богатых родителей одним из источников первоначального накопления⁴.

¹ СЗРИ. Т. X. – Ст. 256.

² Зуева Е.А. Опека и попечительство... – С. 29.

³ ГАТО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 504. Л. 3.

⁴ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири. Томск, 1975. – С. 77.

В целом в отечественной законодательной практике с учетом российских условий и традиций законодателем был использован позитивный опыт классической институализации опеки и попечительства. Особенностью отечественного законодательства можно считать сохранение им вплоть до начала XX в. сочетания в себе законодательных норм и норм обычного права.

Как отмечает Н.С. Нижник, – «Трактовка субъекта опеки и попечительства эволюционировала от констатации таковым ближайшего родственника согласно традиции до признания правомочности общественно-государственного субъекта. Применительно к российским условиям и традициям субъектами опеки и попечительства признавались старший в семье, вдова, отчим, достойный житель деревни, опекун-блеститель имущества, опекунское учреждение. Трактовка объекта опеки российском правотворчеством развивалась в контексте его классического понимания. При этом были введены иные возрастные рубежи совершеннолетия, имела место ориентация на сословные статуты с учетом национальных и этнических традиций народов, входящих в состав Российской империи»¹.

При этом сущность и функции опекунства и попечительства изменялись в контексте право- и политогенеза России и эволюционировали в рамках концепции необходимости сохранения имущества несовершеннолетнего и необходимости воспитания российского подданного.

В регламентацию отношения субъект-объект отечественное правотворчество в качестве новации привносило

¹ Нижник Н.С. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в контексте эволюции... – С. 23.

право опекаемого выбирать опекуна. Российское законодательство отличалось адаптационной «гибкостью», детерминированной спецификой этнического состава и территориальными условиями страны.

Институирование внешней регуляции отношения субъект-объект опеки и попечительства в различные исторические периоды осуществлялось сходом, завещанием, приходскими священниками, духовной властью, дворянской опекой, сиротскими судами с привлечением других государственных учреждений. Государство играло важнейшую роль в законодательной регламентации правоотношений опеки и попечительства и в реализации механизма этих правовых институтов

В изучаемый период в России шел процесс формирования системы обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей. Тем не менее, нормативные акты вплоть до 1917 г. не давали четкого определения административного, законного призрения нуждающихся, в том числе и детей, как обязательной функции государства.

Таким образом, защита интересов несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, осуществлялась как государством, так и ведомствами благотворительной направленности сословного, правительственного и полуправительственного характера. Земства и городские органы, обязанные стать органами государственного призрения, сливались в своей деятельности с различными благотворительными учреждениями, в силу этого общественное призрение в целом, и детское призрение в частности, до начала XX в. находились на переходном этапе к организо-

ванному, законному, признанию, основания которого были заложены еще в законодательстве XVIII в.

Несмотря на то что основную роль в системе органов охраны интересов несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, в России в период становления буржуазного общества играли общественные организации и движения, участие государственных органов в решении вопросов обеспечения прав и законных интересов детей эволюционировало в направлении увеличения роли и значения.

Правовая база института опеки и попечительства – совокупность законодательных норм, а также узаконений, дополнений и разъяснений Сената. При управлении опекунским имуществом часто возникали такие юридические вопросы, ответ на которые не мог быть получен при анализе статей Свода законов Российской империи. В таких случаях опекуны в своей деятельности должны были руководствоваться разъяснениями Сената. Причиной активной деятельности Сената являлось, на взгляд Е.П. Мерко, несовершенство законодательной базы, неспособной охватить различные отношения, возникающие в опекунской практике¹.

Министерство внутренних дел Российской также империи вносило определенный вклад в развитие системы охраны интересов несовершеннолетних, своей практической деятельностью способствовало ее эффективному функционированию и обеспечивало реализацию правовых гарантий интересов несовершеннолетних.

¹ Мерко Е.П. Указ. соч. – С. 161.

4.2. Наследственное право

Переход имущества после смерти того или иного лица (наследодателя) к другим лицам (наследникам) в дореволюционной России регулировался отдельной отраслью права – наследственным правом. Существовала целая система правил, регламентировавших порядок наследования.

Традиционное наследственное право подверглось значительным изменениям во время правления Петра I, который пытался перестроить его на основе опыта западно-европейского права. При этом, как и во многих начинаниях Петра, он пытался перенести на русскую почву институты, уже устаревшие в Европе и совсем не пригодные для российских условий, как, например, право майората по указу о единонаследии 1714 г. В целом в наследственном праве долгое время господствовали по выражению правоведов «случайность и казуистичность», вплоть до издания в 1831 г. «Положения о духовных завещаниях»¹.

В пореформенный период и в начале XX в. наследственное право регламентировалось правилами, принятыми 5 апреля 1869 г. и 15 июня 1882 г.²

Главной тенденцией развития наследственного права в XVIII–XIX вв. было расширение прав завещателя распоряжаться своим имуществом – завещательной свободы. Как отмечал Г.Х. Рабинович, «наследственное право России, как оно сложилось в пореформенный период, было по

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. – С. 491.

² См.: СЗРИ. Т. X. Ч. 1. – Ст. 1104–1116; Законы о духовных завещаниях. – М., 1880.

существо, буржуазным правовым институтом, хотя и несло на себе печать феодально-сословных пережитков»¹.

Признавалось два вида наследства: наследство «по закону» и наследство по завещанию. Закон гласил: «Духовное завещание есть законное объявление воли владельца о его имуществе, на случай его смерти»². Завещания могли быть как нотариально заверенными, так и «домашними». Подлинным нотариальным завещанием признавалось только завещание, занесенное в актовую книгу с выдачей завещателю особого документа – выписи. При составлении завещания соблюдались определенные правила. Закон требовал оформления завещания в письменном виде. Завещание должно быть написано в «здравом уме и твердой памяти», на цельном листе бумаги (написанные на отрывках и клочках бумаги не признавались), обозначать имущество и наследников четко и конкретно, подчистки и поправки в тексте необходимо было оговаривать и заверять подписью завещателя. Описки, подчистки и поправки должны были быть оговорены в подписи завещателя. Обязательно требовалось присутствие свидетелей (как минимум трех для нотариального и двух для домашнего) при составлении завещания, в том числе и домашнего. Если завещатель был неграмотным или по болезни не мог подписать завещание собственноручно, то кроме свидетелей, по его просьбе завещание должно быть подписано другим человеком, с указанием причины этого. Словесные завещания и «изустные памяти» никакой силы не имели. Допус-

¹ Рабинович Г.Х. Указ. соч. – С. 28.

² СЗРИ. Т. X. Ч. 1. – Ст. 1010.

калось составление завещания в чрезвычайных обстоятельствах (в походах, госпитале, за границей), в этих случаях порядок составления был упрощен¹.

Признавались недействительными завещания, сделанные безумными, умалишенными и самоубийцами, несовершеннолетними, монахами и лицами, по суду лишенными всех прав состояния. Не имели силы завещания недвижимости в пользу евреев, поляков и иностранцев в тех местах, где они не могли владеть недвижимостью.

Свод законов 1832 г. расширил свободу завещателя: завещать можно было что угодно и кому угодно, кроме майоратных и заповедных имений. Во второй половине XIX в. передача имущества по завещанию стала преобладать, при наследовании без завещания родители вообще исключались из числа наследников. Распространенность завещаний отражала возросшую индивидуализацию имущественных прав. Часто в завещаниях подчеркивается, что воля завещателя – закон для наследников.

Каких-либо строго установленных правил при распределении наследства не существовало. Каждый из завещателей по-своему определял дальнейшую судьбу своей собственности, круг наследников и долю каждого. Приоритет при распределении наследства был на стороне родственников мужского пола – сыновей и внуков. Их доля в наследстве обычно была значительнее, чем у других членов семьи. Дети, живущие отдельно и неотделенные, могли получить различные доли в наследстве. Это объясняется

¹ СЗРИ. Т. X. Ч. 1. – Ст. 1012, 1016, 1023, 1026, 1036, 1037, 1039, 1045, 1046, 1048, 1053.

тем, что первые, еще при отделении от родительской семьи получали во владение определенную часть состояния. Встречались также случаи, когда сын, получив еще при жизни отца денежный выдел, должен был в письменной форме отказаться от прав на остальное наследство.

Многие из завещаний ярко характеризуют семейно-брачные взаимоотношения. Так, завещатель мог поставить определенные условия для получения наследства своей женой: «Не переменять моей фамилии, в случае если моя жена выйдет замуж, то все мое имущество определить по благоугодным местам»¹.

Женщины могли получить свою часть имущества и при наличии в семье мужчин. Обычно доля дочерей была значительно меньше, чем доля сыновей. В большинстве случаев наследниками основного состояния выступали близкие родственники: жена, дети, внуки. Роль родственного начала подтверждается тем, что наследниками становились и малолетние дети, при наличии взрослых родственников по боковым линиям родства.

Завещание, единожды составленное, могло с течением времени претерпевать изменения. Мотивы изменения завещания могли быть различными: увеличение имущества, рождение новых детей, изменение объекта благотворительности. Так, например, барнаульский купец Александр Степанович Хомутов объяснял причины составления нового завещания: «...когда детей у меня не было, определено имущество было мной завещано по богоугодным местам, так как теперь имею своих родных детей Ивана,

¹ ГААК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 239. Л. 5.

Александру, Владимира, Лидию, Августу, Николая, Михаила, все завещаю им»¹.

Вопрос о круге наследников и их доле имущества после смерти человека, не оставившего завещания, решался на основе закона («наследство по закону»). П.В. Крашениников отмечает: «Отечественное гражданское законодательство до 1917 г. характеризовалось детальной проработкой регулируемых отношений. Не была исключением и регламентация наследования по закону»².

Наследство по закону признавалось как «совокупность имущества, прав и обязательств, оставшихся после умершего без завещания»³. Порядок наследования по закону был следующим: к наследству призывались все кровные родственники без различия степени, свойство не давало права на наследование по закону. Родственники призывались к наследованию по степени кровного родства.

Система родства определялась в особой главе «О союзе родственном», входившую в состав книги «О правах и обязанностях семейственных» Свода законов. Закон следующим образом определял род: «Род есть связь всех членов семьи мужского и женского пола, от одного общего родоначальника происходящих, хотя бы и не все из них носили его имя или прозвание». Близость родства определялась линиями и степенями: «Связь одного лица с другим

¹ ГААК. Д. 135. Л. 21об.

² Крашениников П.В. Наследственное право. – М., 2016. – С. 15.

³ СЗРИ. Т. X. – Ст. 1104.

посредством рождения составляет степень, а связь степеней, непрерывно продолжающихся, составляет линию»¹.

Степени, от которых происходили две или более линий, назывались по отношению к ним коленом, а сами линии по отношению к своему колену – отраслями или поколениями. Выделялись линии трех видов: нисходящие, восходящие и боковые. Нисходящая линия составлялась из степеней (рождений) от одного лица к его сыну, внуку, правнуку и т.д. Восходящая линия шла наоборот – от сына к отцу, далее к деду, прадеду и т.д. В восходящих и нисходящих линиях считалось столько степеней родства, сколько в ней было рождений. В боковых линиях родство считалось следующим образом: «В линии боковой степени равномерно считаются по рождениям, начиная от данного лиц и восходя по прямой линии к общему родоначальнику, а от него, переходя по линии нисходящей, к тому родственнику, коего степень родства отыскивается. Посему два родные брата находятся во второй степени, дядя и племянник в третьей, двоюродные братья в четвертой, сын двоюродного брата в пятой, внук двоюродного брата в шестой и т.д.». Первая боковая линия исходила от первой восходящей степени, т.е. от отца и матери данного лица, и простиралась к его братьям и сестрам, а от них к племянникам. Вторая боковая линия исходила от второй восходящей степени, т.е. от дедов и бабок, третья – от прадедов и прабабок (см. приложение 1)².

¹ СЗРИ. Т. X. – Ст. 196, 197, 198.

² СЗРИ. Т. X. – Ст. 200–208.

Закон регламентировал доли родственников в наследуемом имуществе. Ближайшее право наследования принадлежало сыновьям, при их отсутствии – внукам, при отсутствии внуков – правнукам и только при их отсутствии – дочерям. Ближайшие родственники устраняли от наследства последующих, нисходящие – боковых, первые нисходящие (дети) – вторых (внуков). Имущество умершего делилось между его сыновьями поровну; при отсутствии сыновей – между внуками, а при отсутствии внуков – между дочерьми также поровну. Дочери при живых братьях получали «указную долю имущества» – 1/14 часть недвижимого и 1/8 часть движимого; остальное имущество делилось поровну между сыновьями.

Таким образом, в области наследования по закону права женщин серьезно ущемлялись. Даже в официальном издании – «Журнале министерства юстиции» отмечалось: «из всех законодательств цивилизованных народов нет ни одного, в котором бы женщина находилась относительно права законного наследования в положении столь невыгодном, как в нашем отечестве»¹. Попытка изменить это положение была предпринята в законе от 3 июня 1912 г., который уравнивал дочерей и сыновей в праве наследования движимого имущества после их родителей, но в отношении наследования земельной собственности неравенство сохранялось. Впервые после Уложения 1649 г. было узаконено равенство при наследовании движимого и недвижимого имущества в городах – родового и благоприобретенного; при наследовании земли равенства не было, но иму-

¹ Журнал Министерства юстиции. – 1864. Т. XX. – С. 412.

шественная доля дочери при живом брате поднялась с 1/14 (согласно Уложению 1649 г.) до 1/7¹.

Если дочь, получив приданое при жизни родителей, составила письменный отказ от наследства, то она лишалась права на свое участие в разделе оставшегося после смерти родителей имущества. Если же такого письменного отказа не было, то ей следовало «выдавать указную часть с зачетом приданого, как денег, так и всякого другого имущества»².

Если нисходящие родственники отсутствовали, наследовали боковые родственники. Родители устранялись от наследства в пользу самых отдаленных боковых родственников. Только если боковые родственники отсутствовали, к наследству по закону допускались родители. Родителям принадлежало право пожизненного пользования имуществом их детей, умерших без потомства и не оставивших завещания.

Дореволюционное право уделяло особое внимание регулированию порядка наследования супругами. Переживший супруг получал из недвижимого имущества седьмую часть, а из движимого – четырнадцатую.

Доля в наследстве после смерти супруга именовалась «указной долей» или «указной частью» (ст. 1148 ч. 1 т. X Свода законов). Единственным основанием права на указную часть являлось наличие брака, то есть супружеских отношений между наследодателем и наследником.

¹ Гойхбарг А. Г. Закон о расширении прав наследования по закону лиц женского пола и права завещания родовых имений. – СПб., 1914. – С. 81.

² СЗРИ. Т. X. – Ст. 1003.

Лица, брак которых был расторгнут или призван недействительным (ст. 37–45 кн. 1 ч. 1 т. X Свода законов) не наследовали друг после друга.

Вопрос о правовой природе указной части был достаточно спорным. Взгляды на предмет правовой сущности указной части не отличались единообразием¹. Наследственные права супругов определялись не кровным родством, которое признавалось основанием наследования по закону, а диктовались «необходимостью обеспечить существование вдовы»².

В правоведении сложились две противоположные точки зрения. Представители первой точки зрения, в частности Д.И. Мейер, утверждали, что супруги, получая указную часть, не являются наследниками, а указная часть не представляет собой наследование. Данный вывод вытекал из сопоставления указной части и наследственной доли.

Иной взгляд на правовую природу указной части высказывали Г.Ф. Шершеневич, К. Анненков и др. Соглашаясь с тем, что наследственная доля и указная часть различны, они тем не менее были твердо убеждены, что переживший супруг обладал именно наследственными правами в отношении имущества умершего супруга.

Завершением теоретических споров ученых-цивилистов явилось решение Правительствующего Сената. В нем разъяснялось, что супруги, получая указную часть, по-

¹ Мельникова М.П. Наследственные права супругов в Своде законов Российской Империи [Электронный ресурс]. URL http://www.rusnauka.com/21_DSN_2013/Pravo/9_143042.doc.htm (дата обращения: 17.03.2019).

² Рязановский В.А. О посмертном преемстве супругов по русскому праву: Историко-догматический очерк. – Нижний Новгород, 1914. – С. 154–155.

лучают её именно по праву законного наследования, «ибо ни по какому другому законному способу приобретения права на имущество они получить не могут»¹.

Родовое имущество супруг мог завещать другому супругу в пожизненное пользование. Усыновленные дети могли претендовать только на благоприобретенное имущество, незаконнорожденные вообще устранялись от наследования.

Когда после умершего не оставалось наследников или никто не являлся в течение 10 лет со времени вызова к наследству, имущество признавалось выморочным. Выморочное имущество поступало в пользу государства, дворянства, губернии, города или сельского общества, в зависимости от сословия умершего.

Имущество крестьянского двора могли наследовать только члены семьи, а наделенную землю – лица, приписанные к сельскому обществу. К наследованию в крестьянских семействах допускались посторонние лица, ставшие членами крестьянского двора: усыновленные, приемыши, незаконнорожденные дети. Дочери допускались к наследству в равной степени, если выходили замуж за примака и жених входил в семью невесты.

Наследодатель мог полностью распоряжаться только благоприобретенным имуществом, которое он мог завещать кому угодно. Недвижимость, доставшаяся наследодателю в свое время по наследству, относилась к категории родового имущества, порядок наследования которого ре-

¹ Тютрюмов И.М. Законы гражданские. – Т. 1. – Петроград, 1915. – С. 1135.

гламентировался особыми правилами. При наличии прямых родственников мужского пола наследодатель не мог завещать родовое имущество кому бы то ни было другому. В противном случае права наследника по закону были предпочтительнее прав наследника по завещанию. Так, например, умерший в 1912 г. барнаульский купец Вонифатий Григорьевич Бодунов все свое родовое недвижимое имущество, доставшееся ему от отца Григория Матвеевича Бодунова и оцененное в 53801 руб. 70 коп., завещал своей внучке Анне Ивановне Куратовой в обход своего сына Игнатия. Последний возбудил иск по опротестованию завещания и добился отчуждения спорного имущества в свою пользу¹.

После смерти завещателя духовные завещания утверждались окружными судами. Для того чтобы завещание вступило в силу, а титул собственности перешел от завещателя к наследникам, оно должно было быть представлено к исполнению окружным судом в годичный срок. Ставки наследственных пошлин были невысоки, например, при переходе состояния к родственникам по прямой линии они составляли 1,5%². Завещания утверждались окружными судами, а в случае несогласия казенных палат с решениями окружных судов передавались на рассмотрение судебных палат³.

Судебные органы собирали информацию о положении дел наследодателя. Банки обязаны были давать суду сведения о текущих счетах умерших клиентов. Долги

¹ ГААК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 174. Л. 5–7об.

² Свод уставов о пошлинах. – СПб., 1903.

³ СЗРИ. Т. X. Ч. 1. – Ст. 1060, 1063, 1066.

наследодателя также должны были быть подтверждены документально. Юридическая процедура ввода в наследство была призвана затруднить сокрытие имущества от уплаты наследственной пошлины и защитить права кредиторов покойного. Наследникам необходимо было получить титул собственности на переходящее имущество, т.е. юридическое, а вместе с ним и фактическое право распоряжаться им. Наследник становился активным субъектом прав завещателя и пассивным субъектом его обязанностей.

В целом, женщины были существенно ущемлены в наследственных правах. Сыновьям принадлежало ближайшее право наследования после родителей. По боковым линиям сестры при братьях вообще устранялись от наследования. Однако, в нарушение общего правила отечественного наследственного права, предусматривающего выделение меньшей доли наследницам, при совместном наследовании мужчин и женщин, супруги наследовали друг после друга в равных долях без различия пола. За вдовой, кроме того, признавалось право потребовать выделения ей указной части из имущества живого свёкра.

Таким образом, архаизм имперских законов о наследовании очевиден. Признавая наследником самого отдаленного родственника по боковой линии, с которым наследодатель при жизни не имел ничего общего, закон в то же время отстранял от наследства наиболее близких наследодателю лиц – родителей и супруга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Брачно-семейное законодательство дореволюционной России прошло долгий путь развития, представляя результат действия русского обычного права, византийских светских законов, церковного канонического права и европейского законодательства. Даже в начале XX в. семейное право Российской империи не приобрело стройной системы, чему способствовала в том числе, разрозненность источников семейного права, которое регулировалось нормами канонического права, гражданским законодательством России, нормативно-правовыми актами верховной власти.

Специфика правового регулирования брачно-семейных отношений в России XIX – начала XX в. была детерминирована эволюционными процессами ее государственно-правовой системы. В процессе эволюции политико-правовой системы России светское право постепенно вытесняло византийское законодательство и русское церковное право.

Очевидно, брачно-семейное законодательство Российской империи вплоть до начала XX в. содержало целый ряд архаичных черт, утверждавших патриархально-авторитарные отношения в семье.

В отечественной законодательной практике, с учетом российских условий и традиций, законодателем был использован позитивный опыт классической институализации опеки и попечительства. Особенностью отечественного законодательства можно считать сохранение им вплоть до начала XX в. сочетания в себе законодательных норм и норм обычного права.

Очевиден архаизм наследственного права Российской империи в XIX – начале XX в. Признавая наследником самого отдаленного родственника по боковой линии, с которым наследодатель при жизни не имел ничего общего, закон в то же время отстранял от наследства наиболее близких наследодателю лиц – родителей и супруга. Для некоторых видов имущества (заповедных и временно-заповедных имений, имений, находящихся в Западных губерниях на праве майоратов, крестьянского имущества и др.) был установлен особый порядок наследования.

Основными тенденциями развития права были постепенное ограничение родительской власти, расширение прав женщин и детей и увеличение их правовой защищенности.

Закон (писанное право), действие которого распространялось на горожан (купцов, мещан, ремесленников), а также дворян независимо от места жительства (в городе или деревне), развивался в направлении гуманизации внутрисемейных отношений, повышения прав женщин и детей и возможности их защиты, если они нарушались.

В XIX в. российское брачно-семейное законодательство в целом соответствовало уровню развития большинства европейских стран. В конце XIX – начале XX вв. наиболее остро стояли проблемы введения гражданской (светской) формы брака, упрощения процедуры развода, уравнивания в правах внебрачных детей. Однако, уменьшив влияние церкви на семейно-бытовые проблемы, государство не смогло ее заменить в полном объеме.

При этом конфликты по поводу пересмотра семейного, имущественного и наследственного права составляли интегральную часть социальных, экономических и культурных перемен, имевших место в пореформенной Российской империи.

Критики семейного права уделяли особое внимание принципам патриархальной власти, неравного статуса, патриархального родства и широкой церковной юрисдикции, лежавших в основе существовавшего статутного права. Хотя эти принципы давно устоялись, они претерпели значительные изменения еще в течение восемнадцатого века.

В некоторых случаях такая пересмотренная формулировка закона смягчила, по крайней мере формально, осуществление патриархальной власти в браке и семье. Однако, несмотря на такие изменения, основные принципы традиционного права сохраняли свою силу в статутном праве вплоть до распада империи в 1917 году

Несмотря на широкую критику семейного права, новый либеральный проект Гражданского кодекса так и не

был принят. Тем не менее законы, регулирующие семейную жизнь, становились с течением времени либеральнее, происходило постепенное усовершенствование законодательства путем внесения частных дополнений в существующий Свод законов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты

Гражданское уложение. Проект высочайше утвержденной редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения / под ред. И.М. Тютрюмова. – СПб.: Изд-во книжного магазина «Законоведение», 1910. – 606 с.

Законы о духовных завещаниях / сост. Г. В. Бертгольд. – М., 1880. – 656 с.

Законы о правах и обязанностях, от супружества возникающих: Св. зак. т. 10, ч. 1 с. 100-118 и сопред. узаконения из прочих томов, доп. по продолж. 1876 и 1879 г.: С прил. подроб. дослов. извлеч. из кассац. решений за 1867–1880 г. / Сост. Г. В. Бертгольдт. – М., 1881. – XVI, 214 с.

Законы о разводе православного и неправославного исповеданий и о раздельном жительстве супругов. С разъяснениями Правительствующего сената и циркулярными сепаратными указами Святейшего синода / Сост. В. Максимов. – М.: Изд. Юрист, 1909. – 480 с.

Законы о женщинах: (Сборник всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола) / Сост. Я. А. Канторович. – СПб.: Изд. А. Канторовича, 1899. – 272 с.

Опека и попечительство: Практ. руководство: Сб. действующих в Империи законов об опеках и попечительствах и об опекун. учреждениях, с разъяснен. Сената и замеч. / Сост. И. С. Вольман. – СПб.: Юрид. кн. маг. И.И. Зубкова, 1913. – 452 с.

Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб.:

Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 48 т.: указ.

Полное собрание законов Российской империи: Собрание второе: С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1885. – 55 т.: указ.

Полное собрание законов Российской империи: Собрание третье: 1 марта 1881– 1913 гг. – СПб.: Государственная типография, 1985–1916. – 48 т.

Российское законодательство X–XX веков: Законодательство периода расцвета абсолютизма. В 9-ти томах. Т. 5 / Отв. ред.: Индова Е.И.; Под общ. ред.: Чистяков О.И. – М.: Юрид. лит., 1987. – 528 с.

Сборник законов, распоряжений и разъяснений о браке и разводе / Сост. В. Н Мордвинов. – СПб.; Тип. Правительствующего Сената, 1896. – 22 с.

Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводе, узаконение, усыновление и внебрачные дети. С дополнениями и разъяснениями по циркулярным и сепаратным указам Святейшего Синода, с отдельной статьей «о родстве и свойстве» и с приложением таблицы графического изображения степеней свойства / Сост. С. Григоровский. – СПб.: Тип. СПб. Т-ва Печатн. и Издат. дела «Труд», 1909. – 301 с.

Свод законов Российской империи. Т. IX: Законы о состояниях. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – 572 с.

Свод законов Российской империи. Т. IX: Свод законов о состояниях. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1899. – 547 с.

Свод законов Российской Империи. Т. X: Свод законов гражданских: С примечаниями и ссылками на позднейшие узаконения и оглавлением. – СПб.: Рус. кн. товарищество «Деятель», 1899. – 441 с.

Свод уставов о пошлинах. – СПб.: Государственная типография, 1903. – 161 с.

Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Справ.-правовая система Консультант Плюс.

Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате (Издание официальное). 1901. № 47. Ст. 933.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / Издано проф. Имп. Училища правоведения. Н. С. Таганцевым. – 5-е изд., доп. – СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1886. – 714 с.

Архивные документальные материалы

Архив Государственного Совета. – СПб., 1878. – Т. 3. – Ч. 2. – 676 с.

Государственный архив Алтайского края. Ф. 34. Оп. 1. Д. 135, 174, 239.

Государственный архив Томской области. Ф. 235. Оп. 1. Д. 504.

Исторический архив Омской области. Ф. 16. Оп. 1. Д. 226.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 29.

Специальная литература

Азаревич, Д. Семейные отношения по русскому праву / Д. Азаревич // Журнал гражданского и уголовного права. – 1883. – № 4. – С. 101–136.

Анненков, К. Н. Система русского гражданского права. – Т., V. Права семейные и опека / К. Н. Анненков. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1905. – 385 с.

Антокольская, М. В. Семейное право / М. В. Антокольская. – М.: Юрист, 2002. – 336 с.

Бардзский, А. Э. Иск мужа о водворении к нему жены / А. Э. Бардзский // Журнал министерства юстиции. – 1898. – Кн. 2. – С. 194–198.

Бердников, И. С. Краткий курс церковного права / И. С. Бердников. – Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1888. – 468 с.

Бердников, И. С. Форма заключения брака у европейских народов в ее историческом развитии / И. С. Бердников // Ученые записки императорского Казанского университета. – 1887. – Т. 54 по юридическому факультету. – Казань, 1887. – С. 1–56.

Боровиковский, А. Л. Брак и развод по проекту Гражданского Уложения / А. Л. Боровиковский // Журнал Министерства Юстиции. – СПб., 1902. – № 8 (Октябрь). – С. 1–62.

Вахромеева, О. Б. Женщина и семья в Европейской России на рубеже XIX–XX веков / О. Б. Вахромеева. – СПб.: Знаменитые универсанты, 2008. – 231 с.

Вахтина, М. Л. Брачный вопрос в настоящем и будущем и другие доклады / М. Л. Вахтина. – СПб., 1909. – 44 с.

Вишневский, А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР / А. Г. Вишневский. – М.: ОГИ, 1998. – 432 с.

Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 640 с.

Вольман, И. С. Опека и попечительство / И. С. Вольман. – СПб.: Тип. товарищества печ. и изд. дела «Труд», 1903. – 172 с.

Ворошилова, С. В. Правовое положение женщин в России в XIX – начале XX в.: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / С. В. Ворошилова. – Саратов, 2011. – 406 с.

Гасман, А. Л. Внебрачные дети на западных окраинах и в империи / А. Л. Гасман. – СПб., 1914. – 198 с.

Гессен, И. В. Раздельное жительство супругов: 1911 г. / И. В. Гессен // Труды юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете: 1911 г. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1913. – Т. 5. – С. 518–543.

Гончаров, Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. / Ю. М. Гончаров. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 384 с.

Гончаров, Ю. М. Семейное право Российской империи XIX – начала XX вв. / Ю. М. Гончаров // Вестник Барнаульского юридического института. – Барнаул: БЮИ МВД РФ, 2003. – Вып. 5. – С. 3–13.

Гончаров, Ю. М. Одинокие женщины в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / Ю. М. Гончаров // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. – 2011. – № 2. – С. 142–148.

Гончаров, Ю. М. Историческое развитие семьи в России в XVII – начале XX в. / Ю. М. Гончаров // RESIONAG. – Chonbok University. – 2012. – Vol. 2. – P. 99–119.

Гончаров, Ю. М. Регламентация расторжения брака по российскому законодательству XIX – начала XX в. / Ю. М. Гончаров // Алтайский юридический вестник. – 2018. – № 1. – С. 13–18.

Гойхбарг, А. Г. Закон о расширении прав наследования по закону лиц женского пола и права завещания родовых имений: Разбор и объяснения с прил. текста / А. Г. Гойхбарг. – СПб.: Юридический книжный склад «Право», 1914. – 128 с.

Горчаков, М. И. О тайне супружества. Происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й (по спискам патриархов Иосифа Никона 51-й) главы печатной Кормчей книги / М. И. Горчаков. – СПб., 1880. – 447 с.

Григоровский, С. Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводе и судопроизводство по делам брачным / С. Григоровский. – СПб., 1896. – 222 с.

Гусаков, А. Г. Курс семейного и наследственного права / А. Г. Гусаков. – СПб.: Касса взаимопомощи студентов Спб. политехн. ин-та, 1911. – 208 с

Добровольский, В. И. Брак и развод. Очерк по русскому брачному праву / В. И. Добровольский. – СПб.: Тип. С.-Пб. Т-ва печат. и изд. дела «Труд», 1903. – 247 с.

Дорская, А. А. Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права / А. А. Дорская. – СПб.: Астерион, 2007. – 158 с.

Евреинова, А. М. Краткий очерк прав женщин в семье / А. М. Евреинова // Первый женский календарь на 1905 год / Сост. П. Н. Ариян. – СПб., 1905. – С. 397–404.

Ефременкова, Д. А. Эволюция правового положения супругов в России: IX – конец XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Д. А. Ефименкова. – Екатеринбург, 2008. – 213 с.

Желдыбина, Т. А. Личные и имущественные отношения супругов в России во второй половине XIX – начале XX века: историко-теоретический аспект / Т. А. Желдыбина, М. Н. Лядашева-Ильичева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2003. – № 3. – С. 16–22.

Женщина в семейной и социальной жизни. – СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1901. – 500 с.

Загоровский, А. И. Личные и имущественные отношения между супругами / А. И. Загоровский // Российская мысль. – 1897. – № 4. – С. 45–68.

Загоровский, А. И. Курс семейного права / А. И. Загоровский. – Одесса: Экономическая типография, 1902. – 460 с.

Загоровский, А. И. Об опеке над несовершеннолетними / А. И. Загоровский // Русская мысль. – 1902. – № 4. – С. 45–85.

Зубанова, С. Г. Памятники русского семейного права: церковные и светские (X–XX вв.) / С. Г. Зубанова, А. Г. Семашко. – М.: Изд-во РГСУ «Союз», 2007. – 132 с.

Зуева, Е. А. Опека и попечительство у сибирского купечества в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. / Е. А. Зуева // Социально-культурное наследие Сибири. Бахрушинские чтения 1991 г. – Новосибирск: НГУ, 1991. – С. 25–33.

Кассо, Л. А. К истории Свода законов гражданских / Л. А. Кассо // Журнал Министерства Юстиции. – СПб., 1904. – № 3 (Март). – С. 53–89.

Клеандрова, В. М. Развитие русского права во второй половине XIX – начале XX века / В. М. Клеандрова, Л. Е. Лаптева, Е. А. Скрипилев. – М.: Наука, 1997. – 368 с.

Ковалевский, М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / М. М. Ковалевский. – СПб.: Ф. Павленков, 1895. – 152 с.

Крашенников, П. В. Наследственное право / П. В. Крашенников. – М.: Статут, 2016. – 207 с.

Кулишер, М. И. Развод и положение женщины / М. И. Кулишер. – СПб., 1896. – 288 с.

Латыпова, Д. Ф. Правовое положение женщин (историко-методологический аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Д. Ф. Латыпова. – Казань, 2003. – 176 с.

Левшин, Э. М. Становление и развитие брачно-семейного законодательства в дореволюционной России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Э. М. Левшин. – Нижний Новгород, 2003. – 273 с.

Лещенко, В. Ю. Семья и русское православие (XI–XIX вв.) / В. Ю. Лещенко. – СПб.: Изд-во Фролова, 1999. – 394 с.

Любавский, А. Об уравнении наследственных прав мужчин и женщин / А. Любавский // Журнал Министерства юстиции. – 1864. – Т. 20. – Кн. 2. – С. 399–424.

Малышев, К. Особое приложение к курсу общего гражданского права / К. Малышев. – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1880. – 162 с.

Мельникова, М. П. Наследственные права супругов в Своде законов Российской Империи / М. П. Мельникова [Электронный ресурс]. URL http://www.rusnauka.com/21_DSN_2013/Pravo/9_143042.doc.htm (дата обращения: 17.03.2019).

Мерко, Е. П. Эволюция института опекунов детей-сирот в Российской Империи в 1890-1914 гг.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Е. П. Мерко. – Белгород, 2012. – 194 с.

Микаелян, О. С. Условия и порядок заключения брака в законодательстве России XI–XX вв.: проблемы правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О. С. Микаелян. – Ставрополь, 2004. – 174 с.

Макарова, С. В. Институт опеки и попечительства над несовершеннолетними детьми: история его становления в России / С. В. Макарова // Вопросы ювенальной юстиции. – 2006. – № 1(6). – С. 5–7.

Мионов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1–2 / Б. Н. Мионов. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. – 548 + 583 с.

Миронов, Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. / Б. Н. Миронов. – Т. 1. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2014. – 896 с.

Моховая, Т. А. Становление и развитие института брака в законодательстве Российской империи XIX века / Т. А. Моховая // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 4. – С. 250–253.

Моховая, Т. А. К вопросу об источниках брачно-семейного права Российской империи XIX – начала XX в. / Т. А. Моховая // Российская юстиция. – 2014. – № 5. – С. 34–38.

Невзоров, А. С. Опекa над несовершеннолетними. Исторический очерк института и положение его в действующем русском законодательстве / А.С. Невзоров. – Ревель: Тип. «Колывани», 1892. – 248 с.

Новохатский, Г. М. Правовое регулирование семейных отношений при помощи «брачного обыска» (на примере рода Новохатских) / Г. М. Новохатский // Развитие современного региона: вопросы науки и практики. – Саратов: Поволжский институт управления, 2018. – С. 66–74.

Никольский, Б. В. Совместная жизнь супругов / Б. В. Никольский // Юридическая газета. – 1901. – № 92.

Нижник, Н. С. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в контексте эволюции государственно-правовой системы России, IX–XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Н. С. Нижник. – СПб., 2003. – 492 с.

Нижник, Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории / Н. С. Нижник. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 272 с.

Омарова, Х. М. К вопросу об источниках брачно-семейного права Российской империи XIX – начала XX в. / Х. М. Омарова, К. А. Исмаилова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 4. – С. 156–157.

Оршанский, И. Г. Наследственные права русской женщины / И. Г. Оршанский // Журнал гражданского и уголовного права. – 1876. – № 2. – С. 1–38.

Павлов, А. С. 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права / А. С. Павлов. – М.: Университетская типография, 1887. – 458 с.

Победоносцев, К. П. Курс гражданского права. Ч. II: Права семейственные, наследственные и завещательные / К. П. Победоносцев. – СПб.: Тип. И.И. Глазунова, 1871. – 156 с.

Пушкарева, Н. Л. Женщина в русской семье X – начала XIX в.: динамика социокультурных изменений: автореф. дис. ... доктора исторических наук: 07.00.07 / Н. Л. Пушкарева. – М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1997. – 52 с.

Пушкарева, Н. Л. Имущественные права женщин в XVIII–начале XIX в. / Н. Л. Пушкарева // Семья в ракурсе социального знания / отв. ред. Ю. М. Гончаров. – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2001. – С. 188–203.

Рабинович, Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири / Г. Х. Рабинович. – Томск: Изд-во ТГУ, 1975. – 328 с.

Рабинович, А. С. Опекa и попечительство по действующему русскому законодательству: Систематический очерк действующего в России законодательства об опеке и попечительстве / А. С. Рабинович. – М.: Тип. В. М. Саблина, 1913. – 320 с.

Розанов, В. В. Семейный вопрос в России: в 2 т. / В. В. Розанов. – СПб.: Типография М. Меркушева, 1903. – 312; 512 с.

Розанов В. В. Каков развод, таков и брак // Русское Слово. 1908. 20 марта. № 67.

Розенштейн, М. Л. Практическое руководство для ведения бракоразводных дел, а также дел о признании браков незаконными и недействительными. Со всеми позднейшими узаконениями, циркуляр. указами и определениями Святейшего синода, решениями Правительствующего сената, высочайшими указами: С прил. более 40 образцов прошений, заявлений, жалоб и прочих бумаг, подаваемых по делам о расторжении браков / М. Л. Розенштейн. – СПб.: Журн. «Жизнь и суд», 1915. – 110 с.

Рязановский, В. А. О посмертном преемстве супругов по русскому праву: Историко-догматический очерк / В.А. Рязановский. – Нижний Новгород: Г.И. Сергеев и В.Е. Чешихин, 1914. – 218 с.

Савельев, А. Очерк личных и имущественных отношений между супругами по русским законам и обычному праву / А. Савельев // Юридический вестник. – 1879. – № 7. – С. 120–156.

Савельев, А. Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа / А. Савельев. – Нижний Новгород, 1881. – 94 с.

Свечникова, Л. Г. Заключение брака: Сравн. анализ законодательства России и зарубежных стран с древнейших времен до конца XX в. / Л. Г. Свечникова, О. С. Микаелян, Ю. В. Васильев. – Ставрополь: АГРУС, 2004. – 164 с.

Семашко, А. Г. Брачно-семейные отношения в России в XIX веке: правовые основы реализации церковью делегированных ей полномочий / А. Г. Семашко // Молодой ученый. – 2015. – №15. – С. 467–469. [Электронный ресурс]. URL <https://moluch.ru/archive/95/21525/> (дата обращения: 14.01.2018).

Семенова, Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. / Л. Н. Семенова. – Л.: Наука, 1982. – 280 с.

Семидеркин, Н. А. Семейное законодательство / Н. А. Семидеркин // Законодательство Петра I / под ред. А. А. Преображенского, Т. Е. Новицкой. – М.: Юридическая литература, 1997. – 880 с.

Семидеркин, Н. А. Создание первого брачно-семейного кодекса / Н. А. Семидеркин. – М.: Издательство Московского университета, 1989. – 96 с.

Синайский, В. И. Русское гражданское право / В. И. Синайский. – Киев: тип. А. М. Пономарева, 1912. – 427 с.

Сорокин, В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России / В. В. Сорокин. – М.: Проспект, 2007. – 480 с.

Сорокин, П. Кризис современной семьи / П. Сорокин // Ежемесячный журнал для всех. – 1916. – № 2–3. – Стб. 161–182.

Способин, А. Д. О разводе в России / А. Д. Способин. – М.: Тип. М. Н. Лаврова и Ко, 1881. – 212 с.

Стоюнин, В. Я. Наша семья и ее исторические судьбы / В. Я. Стоюнин // Вестник Европы. – 1884. – № 1. – С. 16–62; № 2. – С. 474–511.

Суворов, Н. С. Учебник церковного права / Н. С. Суворов. – М.: А.А. Карцев, 1913. – 535 с.

Тищенко, Л. А. Развитие семейного права в России: теоретический и историко-сравнительный анализ / Л. А. Тищенко. – М., 2000. – 347 с.

Трелин, В. Ф. О расторжении браков в Духовных Консисториях / В. Ф. Трелин. – СПб.: Законоведение, 1914. – 114 с.

Трохина, Т. «Пикантные ситуации»: некоторые размышления о разводе в Росси конца XIX в. / Т. Трохина // Семья в ракурсе социального знания / Отв. ред. Ю. М. Гончаров. – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2001. – С. 82–96.

Троцкий, Л. Преданная революция / Л. Троцкий. – М.: НИИ Культуры, 1991. – 254 с.

Тютрюмов, И. М. Законы гражданские. С разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов, извлеченными из научных трудов по гражданскому праву и судопроизводству (по 1 Февраля 1915 г.) / И. М. Тютрюмов. – Т. 1. – Петроград: Законоведение, 1915. – 1433 с.

Цатурова, М. К. Русское семейное право XVI–XVIII вв. / М. К. Цатурова. – М.: Юридическая литература, 1991. – 108 с.

Чичерин, Б. Н. Философия права / Б. Н. Чичерин. – СПб.: Наука, 1998. – 656 с.

Шашков, С. С. Очерк истории русской женщины / С. С. Шашков. – СПб.: Н. А. Шигин, 1872. – 241 с.

Шменин, Э. Личные и имущественные отношения супругов / Э. Шменин // Журнал гражданского и уголовного права. – СПб., 1893. – Кн. 6 (Июнь). – С. 1–64.

Р., Sc. Статистика брака / Sc. R. // Свет. – 1879. – № 9. – С. 65–71.

Литература на иностранных языках

Elnett, E. P. Historic Origin and Social Development of Family Life in Russia / E. P. Elnett. – New York, 1926. – 151 p.

Engel, B. A. Mothers and Daughters: Family Patterns and Female Intelligentsia / B. A. Engel // The Family in Imperial Russia. New Lines of Historical Research. Urbana; Chicago; London: University of Illinois Press, 1976. – P. 44–59.

Freeze, G. L. Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760–1860 / G. L. Freeze // Journal of Modern History. – 1990. – Vol. 62. – № 4. – P. 709–746.

Freeze, G. L. The Church and the Tsar: A Confrontation over Divorce in Late Imperial Russia / G. L. Freeze // Стран-

ницы Российской истории: проблемы, события, люди: Сборник статей в честь семидесятилетия Бориса Васильевича Ананьича / ред. В. М. Панях. – СПб., 2004. – С. 195–203.

Freeze, Ch. R. Jewish Marriage and Divorce in Imperial Russia / Ch. R. Freeze. – Hanover: Brandeis University Press, 2002. – 399 p.

Goncharov, Yu. M. Family of the Townspeople in Western Siberia in the Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Century / Yu. M. Goncharov // Perspektywiczne opracowania są nauką i technikami – 2011. – Vol. 37: Historia, politologia. – Przemysł: Nauka i studia, 2011. – P. 11–14.

Wagner, W. G. Legislative Reform of Inheritance in Russia, 1816–1914 / W. G. Wagner // Russian Law: Historical and Political Perspectives / Ed. by W. E. Butler. – Leyden: AW. Sijthoff, 1977. – P. 143–178.

Wagner, W. G. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia / W. G. Wagner. – Oxford: Clarendon Press, 1994. – 413 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Томъ десятый.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Сводъ Законовъ Гражданскихъ.

Издание 1900 года.

КНИГА ПЕРВАЯ.

О правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ.

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

О союзѣ брачномъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О бракѣ между лицами Православнаго исповѣданія.

Отдѣлене первое.

О вступленіи въ бракъ.

1. Лица Православнаго исповѣданія всѣхъ, безъ различія, состояній могутъ вступать между собою въ бракъ, не испрашивая на сіе ни особаго отъ правительства дозволенія, ни увольненія отъ сословій и обществъ, къ которымъ они принадлежатъ (а). На семь же основанийъ допускается бракъ иностранца Православнаго исповѣданія съ Россійскою подданныю того же исповѣданія (б). Общее правило, въ сей статьѣ изъяженное, подлежитъ ограниченіямъ и изыятіямъ, въ нижеслѣдующихъ статьяхъ постановленнымъ.

(а) 1775 Март. 17 (14275) ст. 17; 1782 Июл. 14 (15469); 1783 Дек. 11 (15991) ст. 3; 1800 Июн. 7 (19443); 1817 Июн. 8 (26914); 1861 Февр. 19 (36657) ст. 21.— (б) 1835 Ноябрь. 11 (8599).

2. Монашествующимъ и посвященнымъ въ Иерейскій или Діаконскій санъ, доколѣ они въ семь санѣ пребываютъ, бракъ вовсе запрещается на основаніи церковныхъ постановленій.

3. Запрещается вступать въ бракъ лицамъ мужскаго пола ранѣе восемнадцати, а женскаго шестнадцати лѣтъ отъ рожденія (а). Но въ Закавказьѣ природнымъ жителямъ дозво-

ляется вступать въ бракъ по достиженіи женихомъ пятнадцати, а невестою тринадцати лѣтъ (б).

(а) 1830 Июл. 19 (3507); Окт. 6 (3981)—(б) 1846 Окт. 4 (20491); 1883 Апр. 26 (1522) упр. ст. 1—3. *Примѣчаніе.* Епархіальнымъ Архіереямъ представляется въ необходимыхъ случаяхъ разрѣшать браки, по личному своему усмотрѣнію, когда жениху или невестѣ недостагтъ не болѣе полугода до узаконеннаго на сей случай совершеннолѣтія. 1857 Мая 15 (31849).

4. Запрещается вступать въ бракъ лицу, имѣющему болѣе восьмидесяти лѣтъ отъ роду. 1697 Дек. 26 (1612) ст. 63; 1744 Дек. 12 (9087).

5. Запрещается вступать въ бракъ съ безумными и сумасшедшими. 1722 Апр. 6 (3949); 1762 Апр. 20 (11509).

6. Запрещается вступать въ бракъ безъ дозволенія родителей, опекуновъ или попечителей. 1722 Апр. 12 (3963) ст. 14; 1836 Июн. 4 (9252).

7. Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, если отецъ или мать, имѣя въ своемъ опекуномъ управленіи имѣніе, принадлежащее совершеннолѣтней дочери, будетъ препятствовать выходу ея въ замужество, то ей предоставляется объявить о томъ въ судъ и съ его разрѣшенія вступить въ бракъ. Литов. Стат. разд. V, арт. 8, 9; 1842 Апр. 15 (15533).

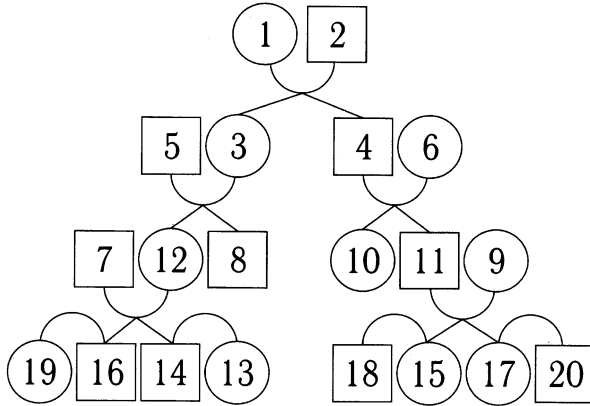
8 *замѣнена правилами, изложенными въ статьѣ 1549 Уложенія о Наказаніяхъ* (изд. 1885 г.).

9. Запрещается лицамъ, состоящимъ въ службѣ, какъ военной, такъ и гражданской, вступать въ бракъ безъ дозволенія ихъ начальствъ, удостовереннаго письменнымъ свидѣтельствомъ.

Сводъ Законовъ. Томъ X. ч. 1-я.

1

Система родства и свойства у русских

1-2 – муж и жена.

Первая степень родства: 1-3 – отец и сын, 1-4 – отец и дочь,

2-3 – мать и сын, 2-4 – мать и дочь.

Вторая степень родства: 1-8 и 1-11 – дед и внуки, 2-10 и 2-12 – бабка и внуки.

Третья степень родства: 1-15 и 1-17 – прадед и правнуки,

3-10 – дядя и племянник, 4-8 – тетя и племянница.

Четвертая степень родства: 8-11 и 10-12 – двоюродные сестры и братья,

3-15 и 3-17 – двоюродный дед и внучатые племянники,

4-14 и 4-16 – двоюродная бабка и внучатые племянницы.

Пятая степень родства: 12-15 и 12-17 – двоюродный дядя и двоюродные племянники.

Шестая степень родства: 14-15 и 16-17 – троюродные сестры и братья.

Первая степень свойства: 1-5 – свекор и сноха, 1-6 – тесть и зять,

2-6 – теща и зять, 2-5 – свекровь и сноха.

Вторая степень свойства: 7-8 – невестка и золовка, 9-10 – зять и шурин,

13-16 – зять и свояченица, 17-18 – деверь и невестка.

Третья степень свойства: 13-19 – свояки, 18-20 – невестки.

Приложение 3

Образец прошения об обязанности мужа доставлять жене пропитание и содержание

Образец прошения об обязанности мужа доставлять жене пропитание и содержание.

Въ Окружный Судъ.
Просить истица (означить звание, имя, отчество, фамилию и мѣсто жительства).
По дѣлу
съ отвѣтчикомъ (звание, имя, отчество, фамилия и мѣсто жительства).

Мой мужъ (имя и фамилию), несмотря на то, что я не уклонялась отъ совмѣстнаго съ нимъ сожителства, не даетъ мнѣ необходимыхъ для существованія средствъ, хотя самъ имѣеть (указать его доходъ и источникъ) недвижимостъ, или должностъ, или занятіе, приносящее ему въ годъ отъ 00 до 000 рублей.

Цѣна иска 000 рублей (цѣна иска обыкновенно опредѣляется въ сумму требуемыхъ отъ мужа платежей за 10 лѣтъ).

На основаніи изложеннаго, имѣю честь просить
. Окружный Судъ:

1) Въ разъясненіе того обстоятелства, что я не уклоняюсь отъ проживанія съ мужемъ моимъ, а также для удостовѣренія количества получаемаго имъ (дохода) содержанія вызвать и допросить свидѣтелей (указать ихъ званіе, имя, отчество, фамилию и мѣсто жительства).

2) Взыскать съ мужа моего (имя и фамилия) на мое пропитаніе и содержаніе по 000 рублей въ мѣсяцъ, начиная съ (указать число, мѣсяцъ и годъ).

3) Возложить на него судебныя и за веденіе дѣла издержки.

4) Искъ въ суммѣ 000 обезпечить наложеніемъ ареста на (указать на источникъ его дохода).

Примѣчаніе 1. Прошеніе должно быть написано въ двухъ экземплярахъ и оплачено гербовымъ сборомъ по 80 к. за каждый листъ, судебными пошлинами по $\frac{1}{2}$ к. съ цѣны иска и двумя марками по 15 к. для суд. разсылныхъ.

Примѣчаніе 2. При случаѣ неимѣнія средствъ на веденіе дѣла, просительница можетъ исходатайствовать у мѣстнаго мирового судьи свидѣтельство о бѣдности и просить Окружный Судъ разрѣшить ей веденіе дѣла по праву бѣдности.

Въ случаѣ отсутствія указанныхъ въ законѣ (томъ X, часть 1) поводовъ къ разводу и при нежеланіи жены продолжать совмѣстную жизнь съ мужемъ по уважительнымъ причинамъ (жестокое обращеніе, развратъ, пьянство и проч.), жена имѣеть право просить въ видѣ милости о предоставленіи ей права получить отдѣльный видъ на жительства черезъ Комиссію по принятію прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, по правиламъ, изложеннымъ ниже.

Что касается до средствъ къ жизни, то съ просьбою объ этомъ слѣдуетъ обратиться въ мѣстный Окружный или Мировой судъ, смотря по цѣнѣ иска (въ Мир. до 500 р.).

Источник: Первый женский календарь на 1905 год / Сост. П. Н. Ариян. – СПб., 1905. – С. 340.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРГО – Архив Русского географического общества

ГААК – Государственный архив Алтайского края

ГАТО – Государственный архив Томской области

ИАОО – Исторический архив Омской области

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

РГИА – Российский государственный исторический архив

СЗРИ – Свод законов Российской империи

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гончаров Юрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Алтайского филиала РАНХиГС.

Автор более 400 публикаций, в том числе 30 авторских и коллективных монографий. Область научных интересов: история семьи, провинциальный русский город, история повседневности, брачно-семейное право Российской империи. Лауреат Государственной премии РФ для молодых ученых за выдающиеся достижения в области науки и техники. Почетный работник сферы образования.

E-mail: yuriiigi@yandex.ru

Научное издание

Юрий Михайлович Гончаров

**БРАЧНО-СЕМЕЙНОЕ ПРАВО РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ XIX – НАЧАЛА XX В.**

Монография

Текст публикуется в авторской редакции

Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 5,5
Тираж 500 экз. Заказ № 161

Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»
656049, г. Барнаул, пр. Красноармейский, 98а
тел. 62-77-25, 62-91-03
E-mail: azbuka@dsmail.ru